

A close-up portrait of a woman with long, wavy brown hair and light blue eyes. She is looking directly at the camera with a neutral expression. She is wearing a dark green, sleeveless top. The background is blurred, showing warm, out-of-focus lights.

АНАСТАСИЯ ВЕЖИНА

Контракт на Сердце
Замуж за Воронцова

Анастасия Вежина

**Контракт на Сердце.
Замуж за Воронцова**

«Автор»

2025

Вежина А.

Контракт на Сердце. Замуж за Воронцова / А. Вежина —
«Автор», 2025

Её семья на грани краха. Его наследство зависит от штампа в паспорте. Фиктивный брак с властным, безжалостным циником Александром Воронцовым – её единственная надежда. Год лжи, ледяной расчет, никаких чувств – идеальная сделка? Но что делать, если показная ненависть искрит опасным притяжением, а каждое вынужденное прикосновение обжигает до дрожи? Сможет ли Вика сыграть свою роль, не потеряв сердце, когда её фиктивный муж окажется самым запретным искушением?

© Вежина А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	41
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Контракт на Сердце. Замуж за Воронцова

Глава 1

Телефон Виктории разразился пронзительной трелью в два часа ночи. Она распахнула глаза мгновенно, как по команде. Хорошие новости в такое время не приходят, это аксиома, известная каждому. А имя брата на экране вызвало у нее мгновенный приступ тревоги — Денис звонил только в случае крайней необходимости.

— Что случилось? — Сон мгновенно улетучился, уступив место холодному страху.

— Вика, папа в больнице. — Голос Дениса звучал глухо, будто из подвала. — Сердечный приступ. Приезжай скорее.

Мир рухнул за три секунды и девять слов.

— Адрес, — коротко бросила она, уже выскальзывая из постели и нашаривая ногами тапочки. — Диктуй.

— Первая городская. Реанимация. Я в приемном.

— Еду.

Она даже не помнила, как оделась. Черные джинсы, толстовка, кроссовки — все как в тумане. В голове пульсировала только одна мысль — успеть. И вторая, которую она отчаянно гнала прочь — а вдруг уже поздно?

В такси Виктория сидела, впившись ногтями в собственные ладони. Боль отрезвляла, не давала скатиться в панику. Отец, всегда такой крепкий и сильный, с вечным запахом пряностей и дыма от гриля... Сергей Соколов, легенда местной кулинарии, душа их семейного ресторана «Соколиное гнездо». Как это могло случиться?

— Девушка, вы бы расслабились немного, — подал голос таксист, косясь на нее в зеркало заднего вида. — С таким лицом только в фильмах ужасов сниматься.

— Извините, — автоматически ответила Виктория, не вкладывая в слова ни капли раскаяния. — Можно побыстрее?

— Гоню как могу, но правила... — таксист осекся, встретившись с ней взглядом. — Сделаю, что смогу.

Машина вильнула, перестроилась и понеслась вперед с новой скоростью. Город за окном сливался в размытую полосу огней. Виктория открыла рабочую почту на телефоне, пытаясь сосредоточиться на чем-то обыденном. Три запроса на согласование пресс-релиза, приглашение на бизнес-завтрак, план кампании для нового клиента. Ещё вчера все это казалось важным.

Денис ждал её у входа в приемное отделение — взъерошенный, бледный, с покрасневшими глазами. В свои двадцать четыре он все ещё выглядел подростком, особенно когда был напуган. Сейчас младший брат казался совсем потерянным.

— Как он? — выпалила Виктория, даже не поздоровавшись.

— Стабилизировали. — Денис провёл рукой по лицу. — Обширный инфаркт, Вик. Врач сказал, что папа давно должен был обследоваться. По ЭКГ есть признаки того, что проблемы с сердцем начались не сегодня...

— Что? — Виктория замерла. — Он болел раньше? И молчал?

Брат только поджал губы и кивнул.

— Мама здесь?

— Мама здесь, в комнате отдыха для родственников. Папа в реанимации. К нему пускают только по разрешению врача; пока сказали ждать.

Виктория опустилась на скамейку в коридоре. Вокруг сновали люди в белых халатах, гремели каталки, хлопали двери. Больничный запах — смесь антисептика, хлорки и чего-то неопределимо-медицинского — забивался в ноздри, вызывая тошноту.

— Почему они нам не сказали? — прошептала она.

Денис сел рядом, их плечи соприкоснулись.

— Ты же знаешь папу. «Мужчины Соколовы не жалуются». — Он попытался изобразить отцовский басовитый голос, но получилось надтреснуто и жалко.

— Дурацкий девиз, — огрызнулась Виктория. — И к маме это какое отношение имеет? Она-то почему молчала?

Денис не ответил, только сильнее ссутулился. Виктория посмотрела на него внимательнее и поняла: брат недоговаривает.

— Денис, — она развернулась к нему, прожигая взглядом. — Что происходит?

Он отвел глаза.

— Не здесь.

— Денис!

— Не здесь, — повторил он тверже. — После. Когда увидим маму.

Наталья Соколова выглядела так, словно постарела на десять лет за одну ночь. Всегда безупречно причесанная, с неизменной помадой «для настроения», сейчас она казалась высушенной, блеклой копией себя. Увидев дочь, она слабо улыбнулась и раскрыла объятия.

— Виктория... — прошептала она, когда дочь осторожно обняла её, боясь сломать хрупкие плечи. — Ты приехала.

— Конечно, приехала. Как папа?

— Состояние стабилизировали, но врачи пока очень осторожны. — Наталья говорила тихо, словно боялась, что громкий голос может что-то разрушить. — Сейчас его готовят к коронарографии. Если найдут критическое сужение, будут восстанавливать кровоток сразу. А дальше, говорят, может понадобиться более сложное лечение и долгая реабилитация.

Виктория кивнула, переваривая информацию.

— А почему вы не сказали, что у него уже были проблемы с сердцем?

На лице матери промелькнула виноватая тень.

— Он запретил. Сказал, что сам справится. Что это просто возраст и нагрузки, нужно только чуть сбавить темп...

— И ты поверила? — В голосе Виктории прорезались стальные ноты. — Мама, ты же медсестра по образованию!

— Была когда-то, — вздохнула Наталья. — Твой отец умеет быть убедительным, ты знаешь.

Виктория знала. Сергей Соколов мог уговорить камень пуститься в пляс, если бы захотел. Природное обаяние в сочетании с почти пугающей уверенностью в своей правоте делало его неотразимым. Именно это качество когда-то помогло ему уговорить банк дать кредит на маленький семейный ресторан начинающему повару без опыта, но с большими амбициями.

— К нему можно?

— Сегодня пока нет, — покачала головой мать. — Он в реанимации после процедур, под капельницами. Если показатели будут стабильными, врач разрешит зайти на несколько минут.

— И долгая реабилитация, — добавил Денис, до этого молча стоявший у стены. — Вик, нужно поговорить. Пойдем, мама, я отведу тебя в палату отдыха для родственников. Ты с ночи на ногах.

Больничное кафе встретило их запахом подгоревшего кофе и перетянутых пластиком бутербродов. Виктория поморщилась, но Денис уверенно направился к столику в углу, подальше от немногочисленных посетителей.

— Итак, — Виктория сложила руки перед собой, как делала на сложных переговорах, — я слушаю.

Денис медлил, словно не зная, с чего начать. Наконец, он глубоко вздохнул и выпалил:

— Мы на грани банкротства. «Гнездо», то есть. Родители скрывали, но уже полгода балансируем на краю.

Виктория не шелохнулась. Только внимательно смотрела на брата, ожидая продолжения.

— Папа взял кредит на расширение три года назад, помнишь? Новый зал, ремонт кухни, современное оборудование. Все шло неплохо, но потом напротив открылся филиал «Вкусного дома».

Виктория поморщилась. «Вкусный дом» — сеть ресторанов среднего класса, принадлежащая холдингу «Бергман Групп». Сетевики с агрессивным маркетингом и демпинговыми ценами, известные тем, что методично выдавливали мелких конкурентов из прибыльных локаций.

— Они стали проводить постоянные акции, — продолжал Денис. — Два по цене одного, бизнес-ланчи вдвое дешевле рыночных, скидки большим компаниям... Мы не могли тягаться с их ценами, а у них бюджет на рекламу больше, чем весь наш годовой оборот.

— Почему вы мне ничего не сказали? — В голосе Виктории не было укора, только холодное, деловое спокойствие.

— Папа запретил, — пожал плечами Денис. — Сказал, что ты и так вкалываешь на своей работе, у тебя свои проблемы, своя жизнь. Не хотел, чтобы ты переживала. И он... он гордый, Вик. Ты же знаешь. Думал, что справится сам.

Виктория знала. Она унаследовала отцовскую гордость и упрямство.

— Насколько все плохо? — спросила она, барабанила пальцами по столу.

Денис достал из потрепанного рюкзака папку и протянул ей:

— Вот, последние отчеты. Оборот упал на сорок процентов за полгода. Двое поваров уволились. Кредиторская задолженность растет, потому что поставщикам платим с задержками. Банк прислал уведомление о просрочке платежа по кредиту и грозит обратиться взыскание на помещение.

Виктория бегло просматривала документы, и с каждой страницей её лицо становилось все жестче. Цифры не лгали — «Соколиное гнездо» падало в финансовую пропасть. И падение ускорялось.

— Почему не наняли антикризисного управляющего?

— Не на что, — развел руками Денис. — Папа до последнего верил, что справится. Хотел запустить новое меню, сделать ребрендинг... Но тут этот приступ.

— Сколько времени у нас остается?

— Месяц, может, два. Потом — или банкротство, или придется продать бизнес за копейки. «Вкусный дом» уже предлагал выкупить помещение. Комедия, да? Они сначала подрезают нам крылья, а потом предлагают продать гнездо.

Виктория поджала губы. Вдруг простая информация сложилась в её голове в единую картину, вызвав холодок вдоль позвоночника.

— Подожди. «Бергман Групп» открывает ресторан напротив нашего, методично выдавливает нас с рынка, а потом предлагает выкупить помещение? — Она прищурилась. — Это же классический рейдерский захват, только в мелком масштабе. Сколько они предлагают?

— Третью рыночной цены, — скривился Денис. — Говорят, что помещение в упадке, клиентская база разрушена, репутация подпорчена... Короче, благотворительность с их стороны, что вообще что-то предлагают.

— Наглость, — процедила Виктория. От возмущения она даже на мгновение забыла, где находится и почему. — Папа знал?

— Только с прошлой недели. Это я узнал и рассказал ему. Думаю, это и спровоцировало... — Денис умолк, уставившись в свою чашку с остывшим чаем.

Виктория кивнула. Стресс, безысходность, ощущение краха дела всей жизни — достаточно, чтобы сердце дало сбой.

— Он не согласился, конечно?

— Нет. Сказал, что скорее сожжет ресторан, чем отдаст этим... — Денис замялся, подбирая приличное слово.

— Понимаю, — кивнула Виктория. — И что теперь? Есть план?

— Какой план? — безнадежно развел руками Денис. — Папа в реанимации, мама в шоке, я заканчиваю кулинарную академию, а ты... ну, у тебя своя жизнь и работа. Ресторан тонет, и я не вижу спасательного круга.

Виктория мрачно кивнула. Денис был прав — ситуация казалась безвыходной. Её зарплаты PR-директора хватало на комфортную жизнь, но не на спасение бизнеса с долгами в несколько миллионов. Особенно если прибавить расходы на лечение и долгую реабилитацию отца.

— Нужны инвесторы, — сказала она, больше себе, чем брату.

— Думаешь, мы не пытались? — Денис горько усмехнулся. — Папа обошел всех знакомых предпринимателей. Никто не хочет вкладываться в семейный ресторан, который теснит сетевик. Банки отказали в рефинансировании. Даже частные инвесторы, которых я нашел через однокурсников, только руками разводят.

Виктория закусила губу. Её аналитический ум уже начал перебирать варианты, просчитывать вероятности, искать выходы. Но правда была в том, что простых решений не существовало.

— А что с районом вообще происходит? — спросила она, пытаясь расширить картину. — «Вкусный дом» — это же не единственный новый бизнес там?

— Да там вообще какая-то экспансия, — оживился Денис. — За последний год половина помещений сменила владельцев. Говорят, все скупает какой-то холдинг для джентрификации района. Не «Бергман», другой. Что-то связанное с птицами... «Сокол»? Нет...

— «Воронцов Групп»? — Виктория вдруг вспомнила заголовки деловых новостей.

— Да! — Денис щелкнул пальцами. — Точно, «Воронцов». Богатенький такой холдинг, хозяин — то ли наследник, то ли из грязи в князи пробился, точно не знаю. Но деньги у них явно водятся.

Виктория нахмурилась. В её голове начал формироваться план — отчаянный, дерзкий, с минимальными шансами на успех.

— «Воронцов Групп» и «Бергман Групп» — они конкуренты, да?

— Вроде того, — пожал плечами Денис. — «Воронцов» больше в премиум-сегменте работает. Пафосные рестораны, бутик-отели. А «Бергман» берет количеством — сетевые забегаловки, хостелы...

Виктория поднялась из-за стола, решительно расправив плечи.

— Значит, «Воронцов» скупает помещения в нашем районе. Значит, у него есть интерес к территории. Значит, ему не должно понравиться, что «Бергман» пытается отжать часть этой территории.

Денис с недоумением смотрел на сестру:

— И что? Думаешь, эти акулы будут переживать о судьбе маленькой рыбешки вроде нас?

— Нет, — Виктория улыбнулась — той самой улыбкой, которую коллеги называли «хищной». — Но они будут заинтересованы помешать конкуренту. А для этого нужно, чтобы наше «Гнездо» не досталось «Бергману».

— Звучит как авантюра из сериала, — покачал головой Денис. — У тебя есть выход на этого Воронцова?

— Пока нет, — Виктория доставала телефон, уже прокручивая в уме список контактов. — Но я PR-директор не просто так. Я умею организовывать «случайные» встречи.

— Вика, — Денис посмотрел на сестру с тревогой. — Ты уверена? Эти люди... Они совсем из другой лиги.

Виктория вспомнила отца — каким он всегда был: гордым, сильным, нестигаемым. Как он поднимал их с братом, когда они падали с велосипеда. «Соколы не сдаются, они взлетают выше», — любил повторять он. Вспомнила, как он стоял у плиты в первый день открытия ресторана — взволнованный, но полный решимости. Ресторан, который он создал с нуля, вопреки всем прогнозам.

— У меня нет выбора, — сказала она тихо. — Это ведь не просто бизнес. Это дело всей жизни папы. Он вложил в «Гнездо» душу. Я не могу позволить, чтобы всё это досталось стервятникам.

— А если не получится?

Виктория посмотрела брату прямо в глаза:

— Тогда мы пойдем с поднятой головой, как учил отец. Но сначала я хочу попробовать. У нас есть только один шанс, и я его использую.

Денис помолчал, затем кивнул:

— Хорошо. С чего ты начнешь?

Виктория уже открывала поисковик на телефоне, вбивая запрос: «Александр Воронцов генеральный директор холдинг».

— С изучения противника, — ответила она, увидев первые результаты поиска. На экране появилась фотография мужчины лет тридцати пяти — высокий, темноволосый, с пронзительными синими глазами и жестким разворотом плеч. Взгляд, от которого по спине пробежал холодок — оценивающий, цепкий, властный.

Миллиардер, промышленник, список Forbes, холостяк, благотворитель, акула бизнеса... Заголовки пестрели эпитетами. Виктория скользила взглядом по строчкам, мысленно составляя образ человека, с которым собиралась вступить в неравный бой.

— «Бизнесмен с ледяным сердцем», — процитировала она подпись под одной из статей. — Идеально. С такими проще всего — они предсказуемы. Если он действительно так расчётлив, как о нем пишут, он увидит выгоду в сделке с нами.

— Какую выгоду? — недоумевал Денис. — Что мы можем предложить человеку, у которого есть все?

Виктория улыбнулась, не отрывая взгляда от фотографии надменного мужчины на экране. В уголках её губ залегла решимость, от которой Денису стало не по себе.

— Это я ещё не придумала, — сказала она. — Но придумаю. В конце концов, — она перевела взгляд на брата, и в зеленых глазах полыхнул опасный огонь, — у меня всегда получалось находить подход к сложным мужчинам. Этот не будет исключением.

Обратной дороги не было. Виктория ещё не знала, как доберётся до Александра Воронцова, но отступить не собиралась.

Глава 2

К утру понедельника Виктория составила три разных сценария разговора с Александром Воронцовым и список аргументов, которые могли бы заинтересовать бизнесмена. Она не спала почти сутки, просматривая все доступные интервью с ним, анализируя деловые решения и выискивая информацию о проектах «Воронцов Групп». Ей нужно было понять, как мыслит человек, способный решить проблемы её семьи одним росчерком пера.

— Приемная Александра Дмитриевича Воронцова, — мелодичный голос секретаря звучал безупречно вежливо. — Чем могу помочь?

— Доброе утро, — Виктория включила свой самый профессиональный тон. — Виктория Соколова, PR-директор компании «Новые Технологии». Мне необходимо обсудить с Александром Дмитриевичем вопрос потенциального сотрудничества. Когда я могла бы записаться на встречу?

Пауза была настолько короткой, что Виктория почти не заметила её.

— К сожалению, в ближайшие две недели у Александра Дмитриевича нет свободных окон. Возможно, вы могли бы направить коммерческое предложение, которое я передам его помощнику?

— Вопрос требует личного обсуждения, — настаивала Виктория. — А через две недели?

— График на следующий месяц ещё формируется, но я могу предложить вам связаться с нами в конце недели.

«Вежливый отказ номер один», — подумала Вика.

— Благодарю. Я перезвоню.

Через час она позвонила снова, представившись журналистом бизнес-издания, с запросом на комментарий о новом проекте «Воронцов Групп». Секретарь с той же отточенной вежливостью предложила отправить вопросы по электронной почте, заверив, что пресс-служба ответит в течение трёх рабочих дней.

Третья попытка была через знакомого в IT-отрасли, который якобы сотрудничал с Воронцовым. Друг перезвонил через полчаса с извиняющимся тоном: «Я даже до секретаря его помощника не дошёл, Вик. Там такая система фильтров, что легче к президенту на приём попасть».

К обеду Виктория поняла, что лобовая атака бессмысленна. Александр Воронцов был окружён невидимой, но непробиваемой стеной из помощников, секретарей и менеджеров, чья единственная задача — отсеивать «лишних» людей.

Телефон звякнул входящим сообщением. Оксана.

«Проверяй почту. Я выбила для тебя освободившееся гостевое место. В списке будешь под своим именем. Ты мне должна».

Виктория открыла электронную почту и увидела письмо с темой «Материалы». Во вложении был электронный гостевой пропуск на её имя на благотворительный вечер фонда Воронцова в отеле «Ритц», а также схема зала и программа вечера. Ниже Оксана приписала:

«Место освободилось сегодня утром, я успела переоформить приглашение. На входе ты будешь в списке как гость. Дальше действуй сама и не подставляй меня. P. S. Говорят, у Воронцова память как у слона: если попадёшься ему на глаза, он тебя запомнит».

Виктория позволила себе короткий, но искренний выдох облегчения. Первый барьер преодолен. Следующая проблема — что надеть, чтобы выглядеть уместно, но не привлекать внимания.

Перед зеркалом в примерочной бутика она кружилась в чёрном коктейльном платье, достаточно элегантном для вечера, но не кричащем.

— Это слишком скромно, — покачала головой консультант. — На благотворительных вечерах дамы стараются выделиться.

— Именно поэтому я хочу выглядеть сдержанно, — улыбнулась Виктория.

Она не собиралась объяснять, что её задача — наблюдать незамеченной, а не выставять себя напоказ. У неё был только один шанс подойти к Воронцову, и она не могла позволить себе быть выдворенной охраной раньше времени.

Платье село идеально. Тёмный жемчуг в ушах, убранные в простую элегантную причёску волосы, минимум макияжа — образ невидимки высшего общества был завершён.

Вечером накануне мероприятия она навестила отца в больнице. Сергей Соколов выглядел бледным, но гораздо более живым, чем при их последней встрече.

— Доченька, ты не должна была приезжать, у тебя же работа, проекты... — он попытался сесть в постели, но Виктория мягко удержала его за плечо.

— Лежи, папа. Я не могла не приехать.

Она рассказала о том, что пытается найти выход из ситуации, но умолчала о Воронцове и своём отчаянном плане. Отец и так чувствовал себя виноватым, незачем было добавлять ему тревог.

— Всё будет хорошо, — убеждённо сказала она, целуя его в щёку на прощание. — Я всё устрою.

Она понятия не имела, как сдержит это обещание.

Благотворительный вечер в «Ритце» соответствовал своему статусу одного из самых престижных событий года. Красная дорожка, вспышки фотокамер, шорох шёлка и шелест шифона, негромкий звон бокалов, дискретный смех, аромат дорогих духов — атмосфера сочеталась из десятков мельчайших деталей, каждая из которых кричала о богатстве и власти.

Виктория протянула свой пропуск на входе, готовясь к тому, что её раскроют, но охранник лишь сверил имя со списком и кивнул. Внутри она сразу направилась к боковой стене зала, где могла бы наблюдать, оставаясь незаметной.

Вечер был в разгаре. На сцене известный ведущий объявлял лоты благотворительного аукциона, среди которых были редкие картины, ювелирные изделия и экзотические путешествия. Суммы, которые называли участники, заставляли сердце Виктории сжиматься — на одном из лотов уже превысили сумму, нужную для спасения их ресторана.

Она медленно обвела взглядом зал, пытаясь найти Воронцова. И вздрогнула, когда увидела его.

Он стоял в противоположном конце зала, в центре небольшой группы людей. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем чёрном костюме. Его осанка и то, как он держал себя, сразу выдавали человека, привыкшего командовать. Даже на расстоянии Виктория ощущала ауру его власти — не наигранной, не показной, а естественной, как дыхание.

Вблизи Александр Воронцов оказался ещё более впечатляющим, чем на фотографиях. Тёмные волосы с лёгкой сединой на висках, правильные, будто высеченные из мрамора черты лица, и глаза — даже с такого расстояния Вика видела, какие они тёмные и пронзительные. В его облике не было ни капли наигранности, только природное достоинство и уверенность человека, точно знающего свою цену и свою силу.

Виктория почувствовала, как к горлу подкатывает комок страха. Перед ней был не просто богатый бизнесмен. Перед ней был человек, способный одним щелчком пальцев изменить её судьбу — к лучшему или к худшему. Его называли безжалостным, хладнокровным, расчётливым. Снежный король, не знающий поражений.

И ей предстояло просить его о помощи.

Виктория отпила шампанское из бокала, наблюдая за Воронцовым. Он почти не улыбался, но внимательно слушал своих собеседников. Иногда вставлял короткие реплики, от

которых все вокруг оживлялись. Несколько раз к нему подходили официанты с подносами, но он каждый раз качал головой.

Она заметила, что люди вокруг него постоянно менялись, словно выстраивались в негласную очередь, чтобы перекинуться парой слов. И каждый человек, отходя от Воронцова, выглядел так, будто получил аудиенцию у монарха.

Мысленно она готовила фразы, с которых начнёт разговор, пытаясь найти идеальный баланс между деловым предложением и просьбой. Но как только представляла, что стоит перед этим человеком, все заготовленные слова вылетали из головы.

Внезапно в зале объявили главное событие вечера — выступление знаменитого скрипача. Свет приглушили, гости начали рассаживаться, и Виктория потеряла Воронцова из виду. Когда зазвучала музыка, она лихорадочно искала его глазами по залу — упустить этот вечер означало потерять, возможно, единственный шанс.

Концерт длился сорок минут. За всё это время Вика так и не смогла обнаружить Воронцова. Когда свет снова зажёгся, а гости поднялись с мест для аплодисментов, она заметила его у выхода в лобби отеля. Он что-то говорил молодому человеку — видимо, помощнику — и направлялся к выходу.

Сердце Виктории заколотилось. Он уходит! Отчаянно лавируя между гостями, она двинулась следом, забыв о всякой осторожности. Но поток людей, возвращающихся к аукциону, тормозил её, а Воронцов стремительно удалялся.

«Я теряю его», — с отчаянием поняла Вика. Полтора часа наблюдений впустую! Растерянно остановившись у колонны, она смотрела вслед недостижаемому бизнесмену, когда произошло то, чего она никак не ожидала.

— Виктория Сергеевна Соколова?

Рядом с ней бесшумно, будто материализовавшись из воздуха, возникла пожилая женщина. Строгий тёмно-серый костюм, аккуратная стрижка, внимательные глаза за тонкой оправой очков, безупречная осанка. Вика замерла с полуоткрытым ртом, чувствуя, как холодеет внутри всё от узнавания. Она видела эту женщину на фотографиях в новостях — Вера Николаевна, личный ассистент Воронцова, его правая рука и, по слухам, единственный человек, которому он полностью доверял.

— Д-да, — Виктория с трудом нашла голос. — Я Виктория Соколова.

— Александр Дмитриевич хотел бы видеть вас завтра в своём офисе, — спокойно сообщила женщина, словно не было ничего необычного в том, что она обращалась к случайной гостье от имени одного из богатейших людей страны. — Десять ноль-ноль. Вот адрес.

Она протянула Виктории визитку с логотипом «Воронцов Групп» и адресом центрального офиса. Виктория взяла карточку, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Но... почему? Как он...

— Пропуск на ваше имя будет готов, — невозмутимо продолжила Вера Николаевна, проигнорировав вопрос. — Просьба не опаздывать.

И прежде чем Виктория успела что-то добавить, женщина растворилась в толпе так же бесшумно, как и появилась.

Вика несколько секунд стояла, оглушённая происходящим. В груди теснились десятки вопросов. Как Воронцов узнал о ней? Почему захотел встретиться? Что ему известно о её семье и ресторане? И самое главное — чего ему от неё нужно?

— Он отследил тебя, выяснил, кто ты, и теперь приглашает в свой офис? — Марина смотрела на неё с плохо скрываемым ужасом. — Вика, это же прямо какой-то триллер!

Они сидели в круглосуточном кафе недалеко от дома Виктории. Ночной город за окном переливался огнями, в кафе играла тихая музыка, но Вике казалось, что она оказалась в параллельной реальности.

— Я даже не представляю, как он мог узнать, — она вертела в руках чашку с остывшим чаем. — Оксана клянётся, что никому не говорила. На вечере я ни с кем не контактировала. Но каким-то образом он не просто узнал, кто я, но и понял, что я искала именно его.

— В сети полно твоих фото, ты же PR-директор, — пожала плечами Марина. — Мог ведь просто приказать охране следить за всеми незнакомыми лицами. А потом пробить тебя по базам. Да и вообще, с его деньгами... — она выразительно замолчала.

Виктория подавила дрожь. Ощущать себя объектом внимания такого человека было одновременно пугающе и странно волнующе.

— Это не самое важное, — она подалась вперёд. — Главное — зачем я ему понадобилась? Если он уже всё знает о моей семье и проблемах, почему просто не отказал через помощницу?

Марина задумчиво побарабанила пальцами по столу.

— Может, хочет лично насладиться твоим унижением? Я слышала, что он любит смотреть в глаза тем, кого раздавил.

— О боже, Марин!

— А что? Его не просто так Снежным королём называют. Говорят, у него вместо сердца ледяная глыба. — Марина подалась вперёд и понизила голос. — Я навела справки через наших журналистов. Знаешь, сколько бизнесов он похоронил за последние пять лет? Больше двадцати! Причём некоторые были на подъёме, просто встали у него на пути. Он покупает компании, выжимает из них всё ценное и выбрасывает остов.

— Ты не помогаешь, — Виктория устало потёрла виски.

— Я просто хочу, чтобы ты понимала, с кем имеешь дело, — голос Марины стал серьёзным. — Такие, как Воронцов, не помогают из доброты душевной. Если он согласится спасти ваш ресторан — а это огромное «если» — то цена будет несоразмерной. Он съест тебя и не подавится, Вика.

— У меня нет выбора, — тихо ответила Виктория. — Отцу нужно дорогое лечение. Кредиторы требуют немедленной выплаты. Бергман уже дышит в затылок, готовый забрать дело всей жизни папы за копейки. Если есть хоть один шанс из тысячи, что Воронцов может помочь — я обязана его использовать.

Марина накрыла её руку своей.

— А если... — она помедлила, — если он попросит что-то неприемлемое?

— Например? — Виктория подняла бровь.

— Не знаю... Может, тебе придётся работать на него бесплатно. Или он выкупит ресторан за сущие копейки. Или... — Марина нахмурилась. — Встреча один на один в его офисе. Ты красивая женщина, Вик. А богатые мужчины иногда думают, что могут купить всё.

Виктория не смогла сдержать горького смеха.

— Александр Воронцов? Серьёзно? Человек, которому доступны самые красивые женщины мира, вдруг положит глаз на меня? — Она покачала головой. — Ты насмотрелась сериалов. В реальном мире такие мужчины даже не замечают таких, как я.

— В реальном мире такие мужчины часто оказываются самыми испорченными, — упрямо сказала Марина. — Пообещай, что не пойдёшь к нему одна. Я могу подождать внизу, или...

— Нет, — твёрдо остановила её Виктория. — Я пойду одна. И буду готова к любому повороту.

Они помолчали, глядя на ночной город за окном. Наконец Марина сжала руку подруги.

— Позвони мне сразу после встречи, хорошо? Или хотя бы напиши сообщение. Чтобы я знала, что ты в порядке.

— Обещаю, — кивнула Вика. — Всё будет хорошо. В конце концов, это просто деловая встреча.

Но в глубине души она понимала, что это неправда. Предстоящая встреча с Александром Воронцовым могла изменить всю её жизнь. И не факт, что к лучшему.

Виктория почти не спала той ночью. Она перебирала возможные сценарии встречи, продумывала речь, аргументы, данные о ресторане и финансовой ситуации. Собрала информацию о проектах «Воронцов Групп» в их районе. Подготовила своё резюме — на случай, если ей придётся предлагать свои профессиональные услуги в обмен на помощь.

Утром она выбрала самый строгий деловой костюм — серый с голубой блузой — и уложила волосы в аккуратный пучок. Никакой драмы, только бизнес.

Такси остановилось перед высоким стеклянным зданием с логотипом «Воронцов Групп» — стилизованной буквой «В» на фасаде. Сердце Виктории колотилось так сильно, что она боялась, как бы оно не выпрыгнуло из груди. На мгновение ей захотелось развернуться и убежать.

Вместо этого она глубоко вдохнула, расправила плечи и шагнула к вращающимся дверям.

«Я готова ко всему, — подумала она. — Даже к тому, что цена помощи будет непомерно высокой».

Глава 3

Штаб-квартира «Воронцов Групп» возвышалась над городом стеклянным обелиском, отражающим утреннее солнце. Виктория смотрела на здание, запрокинув голову, и ощущала себя крошечной и незначительной. Тридцать этажей власти и денег, и где-то там, на вершине пирамиды, ждал человек, от которого зависела судьба её семьи.

В вестибюле царила стерильная роскошь — мрамор, сталь, экзотические растения в огромных кадках. Всё идеально, всё выверено — от расстояния между креслами до выражения лиц служащих. Виктория подошла к стойке ресепшн, старательно удерживая на лице маску спокойной уверенности.

— Виктория Соколова. У меня встреча с Александром Дмитриевичем в десять.

Девушка за стойкой улыбнулась такой выверенной улыбкой, что Виктория невольно задумалась, не прописано ли количество обнажаемых зубов в корпоративном кодексе.

— Да, вас ожидают. Пожалуйста, ваш временный пропуск. — Она протянула пластиковую карту. — Лифт справа, двадцать девятый этаж. Вас встретят.

Кабина лифта бесшумно взмыла вверх, и Виктория использовала эти тридцать секунд уединения, чтобы сделать глубокий вдох. В тусклом зеркальном отражении она видела бледную женщину с решительным взглядом. Она поправила воротник блузы, одёрнула пиджак. Всё будет хорошо. Она справится. Она должна справиться.

На двадцать девятом этаже её встретила немолодая женщина с безупречной осанкой — та самая Вера Николаевна, которая нашла её на благотворительном вечере.

— Следуйте за мной, — коротко произнесла она, не тратя времени на приветствия.

Они прошли через просторное пространство, заполненное рабочими станциями. Царила атмосфера сдержанной деловитости: приглушённые телефонные разговоры, тихий стук клавиатур, почти неслышные шаги по ковровину. Ни одной улыбки, ни одного громкого слова.

Вера Николаевна остановилась перед массивной дверью из тёмного дерева.

— Александр Дмитриевич примет вас через пять минут. Желаете чай, кофе?

— Нет, спасибо, — ответила Виктория, радуясь, что голос не дрогнул.

— Присаживайтесь.

Виктория опустилась в кожаное кресло у окна, а Вера Николаевна заняла рабочее место за идеально организованным столом. Ни одной фотографии, ни одной личной вещи — только монитор, клавиатура и безукоризненный порядок.

Пять минут растянулись в вечность. Виктория перебирала в голове заготовленные аргументы, стараясь сохранять спокойствие. Взгляд невольно возвращался к часам на стене, отсчитывавшим секунды с неумолимой точностью.

Ровно через пять минут зазвонил телефон на столе Веры Николаевны. Та ответила едва слышным «Да, конечно» и поднялась.

— Александр Дмитриевич ждёт вас, — сказала она, открывая перед Викторией дверь.

Кабинет поражал масштабом. Широкие панорамные окна от пола до потолка открывали головокружительный вид на город, распростёртый внизу как карта. Пространство было организовано с той же стерильной эффективностью, что и всё здание: минималистичный стол из тёмного дерева и стали, кожаные кресла, пара абстрактных картин на стенах. Ни одной лишней детали, ничего личного — только функциональность и демонстрация статуса.

И в центре этой выверенной композиции — он.

Александр Воронцов стоял у окна, спиной к двери. Высокий, широкоплечий, в безупречно сидящем тёмно-сером костюме. Услышав, как закрылась дверь, он медленно обернулся.

Его взгляд был первым, что отметила Виктория. Тёмно-синие глаза смотрели на неё с холодной оценивающей пристальностью. В них не было ни любопытства, ни заинтересованности — только аналитический расчёт, словно она была объектом под микроскопом.

— Виктория Сергеевна, — произнёс он глубоким, чуть хрипловатым голосом, и кивнул на кресло напротив своего стола. — Присаживайтесь.

Она прошла через кабинет, чувствуя, как его взгляд следует за каждым её движением. Опустившись в кресло, Виктория решила взять инициативу в свои руки:

— Благодарю за приглашение, Александр Дмитриевич. Я хотела бы обсудить...

— Ваша семья владеет рестораном «Соколиное гнездо» уже семнадцать лет, — перебил он, садясь напротив. — Ваш отец, Сергей Павлович, четвёртого марта перенёс инфаркт миокарда. Экстренное стентирование восстановило кровоток в критически суженном сосуде, но коронарография показала тяжёлое поражение ещё нескольких артерий. Кардиохирурги рекомендуют дальнейшее лечение в специализированном центре. У ресторана задолженность перед банком в размере четырёх миллионов восьмисот тысяч рублей, просрочка по кредиту два месяца, задолженность перед поставщиками около восьмисот тысяч. «Бергман Групп» предложила выкупить помещение примерно за треть рыночной стоимости. — Он сделал короткую паузу. — Я ничего не упустил?

Виктория застыла, чувствуя, как всё внутри холодеет. Откуда он мог знать такие подробности? Она не успела опомниться, как он продолжил тем же размеренным тоном:

— Вы окончили факультет журналистики с красным дипломом, специализация — связи с общественностью. Работаете в агентстве «Новые технологии» три года, последний год в должности PR-директора. Зарекомендовали себя как эффективный кризисный менеджер. Ваша последняя кампания для крупной фарм-корпорации после скандала с подделками спасла репутацию бренда, это впечатляет.

— Вы следили за мной? — Виктория наконец обрела голос. В нём звенела смесь возмущения и страха.

Воронцов поднял бровь:

— Я изучаю информацию о людях, с которыми имею дело. Это называется осмотрительность.

— Это называется вторжение в частную жизнь, — парировала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Ничего личного. Простая деловая практика. — Он откинулся на спинку кресла, сохраняя безупречную осанку. — Служба безопасности обратила внимание на приглашение, переоформленное в последний момент, и проверила вашу личность по открытым данным. Вы пришли, чтобы встретиться со мной. Вопрос: зачем?

Виктория сделала глубокий вдох. Её тщательно выстроенный план рассыпался, как карточный домик. Она рассчитывала вести переговоры с позиции деловой женщины, а оказалась в положении просительницы, чьи карты уже раскрыты.

— Вы знаете зачем, раз проделали такую работу, — она встретила его взгляд прямо, не позволяя себе отвести глаза. — Моей семье нужна помощь. Я искала способ обсудить возможные варианты сотрудничества...

— Сотрудничества, — повторил он с лёгкой иронией. — Что же вы можете предложить мне, Виктория Сергеевна?

Она напряглась. В его тоне сквозило снисхождение, но взгляд оставался холодно-оценивающим.

— Я PR-директор с опытом антикризисного управления. Мои навыки могли бы пригодиться...

— У меня работает целый отдел таких специалистов. — Он снова перебил её, небрежно поведя рукой. — Давайте не будем тратить время. Ваш семейный ресторан находится в рай-

оне, где моя компания реализует проект редевелопмента. «Бергман Групп» пытается получить часть этой территории через вас. Исходя из этого, я мог бы рассмотреть вопрос помощи вашему ресторану, но...

Он сделал паузу, и Виктория напряглась в ожидании. Но что? Какую цену он запросит?

— Но у меня есть встречное предложение. — Воронцов подался вперёд, опираясь локтями о стол и сцепляя пальцы. — Предложение, которое решит все ваши проблемы.

Виктория сглотнула, ощущая, как по спине пробежал холодок.

— Я слушаю.

Воронцов смотрел на неё несколько секунд, словно оценивая её готовность услышать то, что он собирался сказать. Затем произнёс с обескураживающей прямоотой:

— Я предлагаю вам фиктивный брак. Сроком на один год.

Виктория моргнула. Потом ещё раз. Слова достигли сознания, но отказывались обретать смысл.

— Простите, что?

— Фиктивный брак, — повторил он, как будто объяснял очевидное. — Вы становитесь моей женой на бумаге и перед публикой. Мы проживаем вместе, появляемся на мероприятиях как пара, создаём видимость брака. Через год расходимся по обоюдному согласию. Всё цивилизованно.

Виктория почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Это не могло быть правдой. Такие вещи случаются в дешёвых романах, а не в реальной жизни.

— Вы с ума сошли? — выдохнула она.

— Вовсе нет, — Воронцов остался невозмутим. — Я предлагаю деловое соглашение, выгодное для обеих сторон.

— Выгодное? — Виктория издала нервный смешок. — В чём выгода? И зачем вам это вообще?

Он поднялся из-за стола и подошёл к панорамному окну, глядя на город.

— По условиям завещания деда я должен вступить в добросовестный брак до истечения трёхмесячного срока. После регистрации начинается годичный испытательный период, и только затем ко мне переходят полный контроль над семейной компанией и шестьдесят процентов акций. Завещание позволяет совету директоров досрочно зачесть этот период, но лишь единогласным решением и при выполнении ключевых деловых показателей. Я не планировал жениться, но обстоятельства изменились. — Он обернулся к ней. — Мне нужна жена. Временная. Образованная, презентабельная, способная поддержать разговор в обществе. Вы подходите.

Виктория слушала, не веря своим ушам. Это было абсурдно, нелепо, унизительно.

— А мне что с этого? — выдавила она.

— Я выплачу все долги вашей семьи. Обеспечу лучшее лечение вашему отцу — швейцарская клиника, лучшие специалисты. Инвестирую в ваш ресторан сумму, достаточную для полной модернизации и ребрендинга. Гарантирую его невмешательство в дела «Бергман Групп», независимо от исхода наших отношений.

Он вернулся к столу и достал из ящика папку.

— Здесь проект контракта. Условия, обязательства, гарантии. Вы можете изучить его с юристом.

Виктория смотрела на протянутую папку, как на ядовитую змею. В голове шумело, руки похолодели.

— Вы предлагаете мне продаться? — Её голос дрожал от едва сдерживаемого гнева. — Стать... вашей куклой на год? Притворяться перед всеми, лгать?

— Я предлагаю деловое партнёрство, — поправил он. — Это всего лишь контракт. Год вашей жизни в обмен на благополучие вашей семьи.

— Всего лишь? — Виктория поднялась на ноги, чувствуя, как внутри закипает возмущение. — Всего лишь год моей жизни? Всего лишь моя репутация? Моё достоинство?

Воронцов смотрел на неё с лёгким любопытством, словно изучал неожиданно интересный экспонат.

— Достоинство, — повторил он. — Что стоит ваше достоинство в сравнении с жизнью отца? С делом всей его жизни?

Эти слова ударили сильнее, чем пощёчина. Виктория сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Как вы смеете? — прошипела она. — Как вы смеете использовать моего отца, чтобы манипулировать мной? Вы... — она задохнулась от возмущения, подбирая слова, — вы циничный, бесчувственный... Я не вещь, которую можно купить!

— Все мы продаёмся, Виктория Сергеевна, — отозвался он спокойно. — Вопрос только в цене и форме оплаты.

— Не я, — отрезала она. — Найдите себе другую марионетку. Я не соглашусь на ваш... ваш абсурдный план, даже если от этого будет зависеть моя жизнь!

Она развернулась, намереваясь уйти, но его голос остановил её:

— А жизнь вашего отца?

Виктория замерла, не оборачиваясь, чувствуя, как каждое слово бьёт точно в цель.

— Ему нужна более сложная операция, которую в вашей больнице не проводят. Ожидание направления в федеральный кардиоцентр может занять до трёх месяцев. В вашем случае счёт идёт на недели.

Она медленно обернулась. Воронцов стоял у стола, всё так же невозмутимый, словно обсуждал погоду, а не торговался за её будущее.

— Вы отвратительны, — тихо сказала она.

— Я практичен. — Он снова протянул ей папку. — Возьмите контракт. Подумайте. У вас есть два дня на решение.

Виктория не двинулась с места.

— Мой ответ — нет. И он не изменится ни через два дня, ни через неделю, ни через год.

Воронцов пожал плечами с лёгкой полуулыбкой:

— Как скажете. — Он убрал папку обратно в ящик. — Было приятно познакомиться, Виктория Сергеевна.

Это был явный сигнал к окончанию встречи. Она развернулась и направилась к двери, спиной ощущая его взгляд. Ноги едва не подкашивались, но она держалась прямо, не позволяя себе ни на секунду продемонстрировать слабость.

У самой двери его голос настиг её снова:

— Кстати, я слышал, «Бергман» сократил срок своего предложения. У вашей семьи есть всего двое суток. Любопытное совпадение, не правда ли?

Виктория вылетела из кабинета, не ответив, почти не видя перед собой дороги. Пронеслась через приемную, не обращая внимания на взгляд Веры Николаевны, и направилась к лифтам.

Только в кабине лифта, оставшись одна, она позволила себе судорожный вдох. Руки дрожали от пережитого унижения и гнева. Как он посмел? Как посмел предложить ей такое? И как посмел использовать отца, зная, что это её самое уязвимое место?

Снежный король. Ледяное сердце. Все эти прозвища оказались правдой. Человек, способный превратить чужую беду в сделку, чужую жизнь — в услугу.

Выйдя из здания на улицу, Виктория глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться. Ей нужно было думать, искать другие выходы. Должен быть другой способ спасти семью. Должен.

Телефон в сумочке звякнул уведомлением. Она достала его машинально и замерла, увидев письмо от неизвестного отправителя с корпоративного домена «Воронцов Групп». Тема: «Предложение о реструктуризации долга ресторана Соколовых».

Дрожащим пальцем она открыла сообщение. Во вложении был документ — детальный план финансового оздоровления «Соколиного гнезда». Рефинансирование долга на более выгодных условиях, инвестиции в ремонт, маркетинговая поддержка, защита от рейдерского захвата со стороны «Бергмана»... Всё, о чём она могла только мечтать. Всё, что могло спасти дело всей жизни отца.

И в самом конце файла, выделенное жирным шрифтом: «Данное предложение является частью пакета соглашений и действительно только при подписании документов, обсуждавшихся на встрече».

Виктория закрыла глаза, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Дьявольский выбор. Невозможный выбор.

Она стояла посреди шумной улицы с телефоном в руке, застывшая между гордостью и отчаянием, между собственной свободой и жизнью отца, не зная, куда повернуть и что решить.

Александр Воронцов только что загнал её в угол. И у неё осталось всего два дня, чтобы найти выход.

Или принять его предложение.

Глава 4

Виктория брела по улице, не замечая ни людей, ни машин, ни начинающегося дождя. В голове звучал голос Воронцова, спокойный и уверенный: «Я предлагаю вам фиктивный брак. Сроком на один год». Абсурд, насмешка, оскорбление. И в то же время — шанс, которого у неё больше не будет.

Виски сдавило тупой болью. Каждый шаг отдавался гулким эхом внутри черепа. Она чувствовала, как немеют кончики пальцев — первый признак подступающей паники, которую она пыталась задавить усилием воли.

В кармане лежал телефон с открытым файлом — планом спасения «Соколиного гнезда». Профессиональным, продуманным, идеальным планом. Воронцов не шутил и не блефовал. Он предлагал настоящий выход из ситуации. Но цена...

Родной ресторан всплыл перед глазами — маленький зал с деревянными столами, которые отец сделал своими руками, кухня, где мама колдовала над своими фирменными блюдами, уголок у окна, где они с Денисом делали уроки, пока родители работали. Семнадцать лет жизни, вложенной в эти стены. Тысячи воспоминаний, пропитавших каждый сантиметр пространства — первые шаги в бизнесе, семейные праздники, долгие вечера планирования будущего. Место, которое было не просто рестораном — оно было сердцем их семьи.

Виктория остановилась у маленького сквера. Дождь усиливался, но она едва ощущала, как капли стекают по лицу, смешиваясь с непрошеными слезами. Холодная вода просачивалась за воротник блузки, стекала по спине липкими дорожками, но внутренний озноб был сильнее внешнего холода. Год жизни. Год притворства. Год в роли марионетки холодного, расчётливого человека.

«Свобода. Моя свобода», — пульсировало в сознании. Что значит быть свободной? Располагаться своим временем, своим телом, своими чувствами. Решать, с кем говорить, с кем молчать, с кем просыпаться утром. А теперь? Теперь каждый её шаг, каждый взгляд, каждая улыбка будут частью контракта, частью сделки. Она сама станет ходячим обязательством.

Она резко тряхнула головой, словно отгоняя наваждение, и нырнула под козырёк ближайшего кафе. Звон колокольчика над дверью заставил её вздрогнуть. Только здесь, в тепле и относительной безопасности, среди приглушённого гула голосов, звяканья посуды и аромата свежесваренного кофе, она позволила себе по-настоящему осознать произошедшее.

«Как он посмел?», — пульсировало в висках вместе с головной болью. Как посмел предложить ей продаться? Превратить её жизнь, её личность, её свободу в пункт контракта?

Виктория заказала кофе, который не собиралась пить, просто чтобы иметь право занимать столик. Достала телефон и снова открыла файл. Смотрела на цифры, на графики, на пункты плана — как замороженная. План был безупречен. Он не просто решал текущие проблемы, но и открывал перспективы роста, защищал от подобных ситуаций в будущем. Такой документ не составляют за час — очевидно, Воронцов подготовился заранее. Ждал её. Знал, что она придёт.

От этой мысли Викторию передёрнуло. Как долго он следил за ней? За её семьёй? Как много знает? И что ещё задумал?

Но другой голос, настойчивый и рациональный, шептал: «Какая разница? Главное — это шанс спасти отца, ресторан, семью».

Виктория вцепилась пальцами в чашку, стараясь согреть заledenевшие руки. Год притворства. Триста шестьдесят пять дней лжи. Неизвестно на каких условиях, с каким контрактом, с какими ограничениями. Воронцов не из тех, кто оставляет лазейки. Если уж он задумал эту сделку, то всё просчитал до мелочей.

«А если это ловушка? Если за год он найдёт способ забрать ресторан? Или просто уничтожит меня юридически, когда я буду не нужна?»

Она вспомнила его глаза — тёмно-синие, холодные, изучающие её как новый бизнес-проект. Вспомнила его спокойный голос, властную осанку, идеальный костюм. Ни одного лишнего движения, ни одной случайной эмоции.

«Снежный король, — подумала она с горечью. — А я должна стать его снежной королевой на год. Выставлять себя на публике, играть роль, лгать всем... включая семью».

Мысль о семье обожгла новой болью. Что она скажет родителям? Что внезапно влюбилась в миллиардера, о котором раньше никогда не упоминала? Что за несколько дней решила связать с ним жизнь? Они никогда не поверят. А если рассказать правду... нет, это невозможно. Отец никогда не примет такой жертвы. Он скорее потеряет ресторан, чем позволит дочери продать себя ради его спасения.

Виктория закрыла глаза, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Из всех вариантов развития событий она не могла представить именно этот. Деловой брак. Как в средневековье, когда короли и принцы женились по расчёту, укрепляя свои королевства.

Только она — не принцесса. Она — обычная женщина, загнанная в угол обстоятельствами.

За окном по-прежнему лил дождь, превращая улицы в серые реки. Виктория смотрела на размытые силуэты прохожих, спешащих по своим делам, и завидовала им — обычным людям с обычными проблемами.

Телефон в её руке внезапно ожил, заставив вздрогнуть. На экране высветилось имя матери. Сердце сжалось от дурного предчувствия.

— Мама? Что случилось?

Голос Натальи дрожал, прерываясь на полусловах:

— Вика, стентирование прошло, кровоток восстановили. Но коронарография показала тяжёлое поражение ещё нескольких сосудов. Кардиохирурги говорят, что нужна более серьёзная операция, а такой объём у нас проводить не берутся. Нужен специализированный центр.

Виктория почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она вцепилась в край стола, чтобы не упасть.

— Насколько всё серьёзно?

— Сейчас он стабилен, но откладывать надолго опасно. Врач говорит, что без дальнейшего лечения риск нового инфаркта остаётся высоким.

В трубке повисла тяжёлая пауза.

— Я приеду, — наконец сказала Виктория. — Через час буду в больнице.

— Не торопись, сейчас ему ничего не угрожает. Просто... нам нужно решить, что делать дальше.

Повесив трубку, Виктория несколько минут сидела неподвижно. Отец. Сильный, гордый, упрямый Сергей Соколов. Человек, научивший её никогда не сдаваться. Теперь он лежал в больничной палате, а его жизнь зависела от денег, которых у них не было.

Операция за границей. Это сотни тысяч, если не миллионы. У них едва хватало на текущие счета и лекарства.

«А Воронцов предлагает лучшее лечение в Швейцарии», — напомнил предательский внутренний голос.

Виктория рывком поднялась, расплатилась за нетронутый кофе и вышла под дождь, уже не заботясь о том, что промокнет до нитки. Холодные капли били по лицу, стекали за воротник, но она не замечала дискомфорта. Физическая дрожь была ничем по сравнению с внутренней бурей.

В больнице пахло антисептиком и безнадеедой. Наталья выглядела постаревшей на десять лет, с покрасневшими от недосыпа и слёз глазами. Рядом с ней сидел осунувшийся Денис, бледный и растерянный.

— Что говорят врачи? — спросила Виктория после объятий и дежурных «как ты?».

Мать беспомощно развела руками:

— Сосуды в плохом состоянии, нужна сложная операция. Здесь такой объём не делают. По направлению можно попытаться попасть в специализированный центр, но это займёт время, а врачи советуют не затягивать. В частной клинике готовы принять быстрее... — она замолчала, и Виктория поняла, что цену им уже назвали.

— Сколько?

— Полтора миллиона, — тихо ответил Денис. — Это только операция, без реабилитации и доп. обследований.

Виктория медленно опустилась на стул. Полтора миллиона. Сумма, которой у них не было и быть не могло. Разве что продать ресторан, квартиру, вообще всё.

— У меня есть кое-какие сбережения, — начала она.

— Нет, Вика, — твёрдо остановила её мать. — Мы найдём другой выход. Твой отец никогда не хотел, чтобы ты расплачивалась за его проблемы.

«Если бы ты знала, какой выход мне предлагают», — горько подумала Виктория, но внешне только кивнула.

Они провели у постели отца полчаса, разрешённые правилами. Сергей спал, подключённый к мониторам. Осунувшееся лицо, седина, морщины, которых Виктория раньше не замечала. В этот момент он казался таким уязвимым, совсем не похожим на того нестигаемого мужчину, которого она знала всю жизнь.

— Он очень беспокоится о ресторане, — шепнула мама, когда они вышли из палаты. — Врачи запретили волноваться, но он всё время спрашивает, как дела, не закрыли ли мы, приходят ли клиенты...

— Не закрыли, приходят, всё под контролем, — автоматически ответила Виктория, зная, что это ложь.

Когда она вышла из больницы, к ней бросился Денис, который ждал у выхода, куря одну за другой.

— Вика, мне нужно с тобой поговорить.

По его лицу она поняла — случилось что-то ещё. Неужели с отцом? Но нет, брат выглядел не столько испуганным, сколько злым.

— Бергман, — выплюнул он, словно ругательство. — Его представители снова приходили сегодня.

Виктория похолодела:

— Что им нужно?

— То же, что и всегда — наше помещение за бесценок. Только теперь они дали ультиматум: 48 часов на принятие решения, иначе они через свои связи в банке инициируют процедуру банкротства.

— Они не могут! — возмутилась Виктория. — Это рейдерский захват, незаконно...

— Могут, — устало перебил её Денис. — У нас просрочка по кредиту. Если банк продаст долг коллекторам, а потом их юристы инициируют банкротство... Вика, я консультировался со знакомым юристом. Всё законно, просто подло.

Он затаился и выпустил дым, глядя в серое небо.

— Знаешь, я уже начинаю думать, может, стоит согласиться? Хотя что-то получим, чем вообще всё потерять.

— Нет! — Виктория схватила его за плечи. — Никогда. Ты представляешь, что будет с папой, если он узнает?

Денис поник, раздавленный очевидностью этого аргумента.

— Но что тогда делать? У нас нет денег ни на спасение ресторана, ни на лечение папы. Он умрёт, Вика, а мы останемся без всего.

Эти слова, произнесённые вслух, пронзили сердце Виктории, как ледяные иглы. Брат просто констатировал очевидное. Денег нет. Времени нет. Вариантов нет.

Кроме одного.

— Я что-нибудь придумаю, — сказала она, обнимая брата. — Дай мне время до завтра.

— Времени нет, Вика, — повторил он, словно прочитав её мысли.

— Знаю.

Остаток дня превратился в лихорадочный марафон. Виктория обзванивала банки, консультировалась с финансовыми советниками, искала информацию о быстрых кредитах, частных инвесторах, краудфандинге — всё, что теоретически могло помочь. Реальность оказалась жестокой: подобные суммы за такой короткий срок законно получить невозможно.

Она позвонила Марине, хотя заранее знала ответ:

— Детка, у меня весь капитал — полмиллиона на чёрный день, и я бы отдала их не задумываясь, но это капля в море для вашей ситуации, — голос подруги звучал искренне расстроено. — Слушай, а может, попробовать организовать сбор средств через соцсети? Твой отец довольно известен в городе, многие захотят помочь...

— За два дня? — горько усмехнулась Виктория. — И к тому же, мы говорим о миллионах. Даже если скинутся все знакомые, едва ли наберём десятую часть.

Она не стала рассказывать о предложении Воронцова. Не могла выговорить это вслух. Словно произнесённые слова сделали бы абсурдную идею реальной.

К ночи Виктория оказалась в своей квартире, окружённая распечатками, заметками, открытыми вкладками на ноутбуке — обломками её попыток найти выход. Вариант продажи собственной квартиры она тоже просчитала: даже если удастся найти покупателя за два дня (нереально), всё равно не хватит на погашение долгов ресторана и операцию отца.

Она сидела на полу, обхватив колени руками, и смотрела в никуда. Перед глазами стояло лицо отца в больничной палате, испуганные глаза матери, отчаяние брата. Звучали цифры — проценты, суммы, сроки — как приговор, от которого нет апелляции.

И был выход. Один-единственный. Фиктивный брак с человеком, которого она презирала. Год притворства. Год несвободы.

Но жизнь отца. Спасение семейного дела. Будущее для брата и матери.

Виктория встала, подошла к окну. В темноте мерцали огни города — уютные, далёкие, принадлежащие другой жизни. Её прежней жизни, в которой можно было позволить себе гордость и принципы.

Новая реальность была безжалостна. И выбора не было.

Она почти физически ощущала, как внутри что-то надломилось, сдалось, отступило. Она всегда считала себя сильной, независимой, способной найти выход из любой ситуации. Но не в этот раз. В этот раз она проиграла.

Виктория вспомнила лицо Воронцова — невозмутимое, уверенное, с лёгкой снисходительной улыбкой, словно он заранее знал, что она вернётся. Эта мысль вызвала новую волну возмущения и отвращения.

«Я выдержу, — сказала она себе. — Это всего лишь год. Я справлюсь с этим человеком, его условиями, его контролем. Ради семьи».

Ещё вчера она была свободной женщиной с перспективной карьерой и собственной жизнью. Сегодня она готовилась стать куклой в руках Александра Воронцова. Странно, но слёз больше не было. Только горькая, холодная пустота.

Она подошла к шкафу, достала самое дорогое платье — тёмно-зелёное, подчёркивающее цвет её глаз, облегающее фигуру. Купленное когда-то для важного рабочего мероприятия, оно

должно было приносить уверенность в себе, подчёркивать статус успешной деловой женщины. Теперь ей предстояло надеть его как костюм для новой роли — роли женщины, согласившейся на сделку с дьяволом.

Утро принесло новый звонок — снова Денис.

— Они звонили. Дали окончательный срок — до завтрашнего утра. Потом всё, без вариантов, — в его голосе слышалось полное отчаяние.

— Я решу проблему, — сказала Виктория тоном, не допускающим возражений. — Просто скажи им, что всё отменяется, вы не продаёте помещение. И передай это маме, хорошо?

— Что? — растерялся брат. — Как? У тебя есть деньги? Ты нашла инвестора?

— Что-то вроде того, — уклончиво ответила она. — Доверься мне. Главное, ничего не говори папе, понял? Это наша с тобой тайна.

— Вика, ты меня пугаешь, — голос Дениса дрогнул. — Что происходит? Ты во что-то ввязалась? Это законно хотя бы?

Виктория прикрыла глаза. Её брат всегда был проницательным.

— Всё в рамках закона, — ответила она, тщательно подбирая слова. — Просто сложная схема. Я... не могу сейчас объяснить все детали. Денис, помнишь, что папа всегда говорил? «Соколы защищают своё гнездо любой ценой».

— Да, помню, — глухо отозвался брат. — Но он также говорил, что соколы не продают своё небо. Вика, что бы ты ни задумала... ты уверена?

Этот вопрос был как нож в сердце. Уверена ли она? Конечно, нет. Но выбора не осталось.

— Уверена. Доверься мне.

Она повесила трубку прежде, чем он успел задать новые вопросы. Разговаривать дольше означало рисковать — голос мог дрогнуть, выдать её чувства, и тогда Денис понял бы, что что-то не так. А ещё в глубине души она боялась, что его сомнения могут пошатнуть её решимость, которая и без того держалась на тончайшей нити необходимости.

Как объяснить семье её внезапное замужество — это был вопрос, который она отложила на потом. Сначала нужно было сделать самый трудный шаг.

Виктория вытащила из сумочки визитку Веры Николаевны. Самый обычный кусочек картона с логотипом и контактами. Но для неё он казался свинцовой плитой, тянущей на дно.

Пальцы дрожали, когда она набирала номер. «Соберись», — приказала она себе. Нельзя показывать слабость. Нельзя давать Воронцову повод думать, что она сломлена или напугана. Это деловая сделка. Ничего личного. Она справится.

Гудки. Один, второй, третий. Каждый отдавался в голове гулким эхом.

— Приёмная Александра Дмитриевича Воронцова, — раздался знакомый размеренный голос.

— Добрый день. Это Виктория Соколова, — собственный голос показался чужим, механическим. — Мне нужно поговорить с Александром Дмитриевичем.

Пауза. Короткая, но значимая.

— Минуту, проверю, свободен ли он.

Виктория ждала, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев. Каждая секунда растягивалась в вечность.

— Соединяю, — наконец произнесла Вера Николаевна.

Ещё несколько секунд тишины, а затем — его голос. Спокойный, уверенный, с лёгкой хрипотцой:

— Слушаю вас, Виктория Сергеевна.

Она закрыла глаза, собирая все силы. В горле встал ком, но она заставила себя говорить чётко и ровно:

— Я звоню по поводу вашего предложения.

— И?

Одно короткое слово, но сколько власти в нём. Он знал. Знал, что она позвонит. Знал, что согласится. Предвидел весь этот разговор.

— Я принимаю его, — выдавила она.

Тишина. Долгая, мучительная пауза, в которой Виктория слышала собственное сердцебиение.

— Хорошо, — наконец ответил он. — Вера Николаевна свяжется с вами и назначит встречу для обсуждения деталей контракта. Полагаю, завтра в десять утра будет удобно?

— Да, — Виктория сглотнула вставший в горле комок. — Но у меня есть условие.

— Условие? — В его голосе послышалось удивление, словно он не ожидал от неё такой дерзости.

— Да. Я хочу, чтобы сначала были оплачены счета за лечение отца и реструктуризованы долги ресторана. До подписания контракта.

Снова пауза. Виктория затаила дыхание. Её требование было рискованным — Воронцов мог просто отказаться.

— Хорошо, — неожиданно согласился он. — Я отправлю юриста и финансиста сегодня к пяти часам в ресторан вашего отца. Они займутся документами. А специалист по медицинским вопросам свяжется с лечащим врачом вашего отца и организует всё необходимое.

Виктория не смогла скрыть удивления:

— Так быстро?

— Я не вижу смысла откладывать, раз решение принято, — в его голосе прозвучали деловитые нотки. — К тому же, насколько я понимаю, счёт идёт на дни. Или я ошибаюсь?

— Нет, — тихо ответила она. — Не ошибаетесь.

— Тогда до завтра, Виктория Сергеевна. Десять утра, мой офис.

Он отключился, не дожидаясь её ответа.

Виктория медленно опустила телефон. Всё. Точка невозврата пройдена. Она согласилась стать женой Александра Воронцова на год. Фиктивной женой, игрушкой, частью его плана.

Она подошла к зеркалу. Из отражения на неё смотрела бледная женщина с решительным взглядом и плотно сжатыми губами. Та же Виктория Соколова, что и вчера — и в то же время совсем другая.

«Я справлюсь, — сказала она своему отражению. — Это контракт, бизнес-соглашение. Просто работа — тяжёлая, неприятная, но необходимая. Я выдержу год. А потом верну свою жизнь».

Виктория провела пальцами по прохладной поверхности зеркала, словно пытаясь дотянуться до той женщины по другую сторону, которая ещё вчера была свободной. В горле сжался тугой комок, который никак не удавалось проглотить. На языке ощущался металлический привкус — то ли от прикушенной губы, то ли от самого чувства поражения.

Солнечный луч, пробившийся сквозь шторы, упал на фотографию на тумбочке — отец, мать, Денис и она сама, улыбающиеся на фоне ресторана. Это было на десятилетие «Соколиного гнезда». Отец стоял гордый, сильный, уверенный — хозяин своей судьбы. «Никогда не прогибайся под обстоятельства, Вика, — любил повторять он. — Мы, Соколовы, летаем выше проблем». А теперь она сделала именно то, что противоречило всему, чему он её учил — прогнулась. Согласилась на сделку, которая шла вразрез с её гордостью, её принципами, её представлениями о себе.

И всё же... разве была у неё другая возможность? Разве не было более важной ценности — жизни отца, благополучия семьи — превыше её гордости?

Виктория медленно выдохнула, ощущая, как мышцы спины и шеи напряжены до предела. В последние дни она почти не спала, и теперь усталость брала своё — тяжёлая, давящая, словно бетонная плита на плечах. Но нужно было держаться. Впереди предстоял долгий путь.

Но в глубине души она знала, что ничего уже не будет как прежде. Год с таким человеком, как Александр Воронцов, изменит её навсегда. Она вспомнила его пронзительные тёмно-синие глаза, холодные и внимательные, словно сканирующие её насквозь. Тонкая линия губ, складка между бровями, властный жест руки... Как она выдержит рядом с этим человеком целый год? Как сможет притворяться женой того, кого не уважает, не любит, боится?

«День за днём, час за часом», — шепнула она себе, как мантру.

В тот момент Виктория знала только одно: она продала год своей жизни, чтобы спасти тех, кого любит. И какой бы ни была цена — она её заплатит.

Глава 5

Утро выдалось ясным и холодным. Виктория стояла перед зеркалом, придирчиво оценивая свой внешний вид. Темно-серый деловой костюм сидел безупречно, подчеркивая стройную фигуру, но не акцентируя внимание на ней. Строгая белая блуза, минимум макияжа, волосы, собранные в аккуратный пучок. Ничего лишнего — только профессионализм и сдержанность.

«Я иду на деловую встречу, — напомнила она себе. — Не на эшафот и не на торги невольниками».

Однако дрожь в пальцах выдавала нервозность. Сегодня она подпишет контракт, который изменит её жизнь на ближайший год. Сегодня она официально согласится стать фиктивной женой человека, которого едва знает и уже успела возненавидеть. Сегодня начнется её добровольное заключение.

Такси остановилось перед знакомым стеклянным зданием с логотипом «Воронцов Групп». В прошлый раз Виктория входила сюда просительницей, отчаявшейся получить помощь. Теперь она пришла как... кто? Деловой партнер? Товар с ценником? Актриса на контракте?

«Соберись, — приказала она себе. — Ты не жертва. Ты сторона сделки».

В вестибюле компании Виктория сразу заметила разницу. Девушка за стойкой встретила её с улыбкой узнавания:

— Доброе утро, Виктория Сергеевна. Вас ожидают.

Уже не «вас ждут», а «ожидают» — тонкая, но ощутимая разница в формулировке. Словно она теперь принадлежала к другой категории посетителей — не просителей, а гостей.

— Позвольте, я провожу вас, — девушка вышла из-за стойки.

В прошлый раз её отправили одну, просто указав направление. Сейчас Виктория ощущала перемену в отношении — на неё смотрели иначе, как на человека, имеющего отношение к владельцу компании. И это было... странно. Будто она примеряла чужую кожу, которая ещё не прилегала как следует.

Их встретила Вера Николаевна, по-прежнему безупречно элегантная в своём сером костюме. Её лицо сохраняло обычное бесстрастное выражение, но приветствие прозвучало чуть теплее:

— Виктория Сергеевна, рада снова видеть вас. Александр Дмитриевич освободится через десять минут. Желаете кофе?

В прошлый раз ей не предлагали даже воды.

— Спасибо, не откажусь, — ответила Виктория, решив, что ей понадобятся все силы для предстоящего разговора.

Вера Николаевна кивнула и направилась к элегантной кофеварке, стоявшей на боковом столике:

— Как вам больше нравится?

— Чёрный, без сахара, — механически ответила Вика. — Простите, могу я задать вопрос?

Пожилая женщина обернулась, слегка приподняв брови:

— Конечно.

— Вчера в ресторан моих родителей приезжали ваши юристы и финансисты. Мне хотелось бы знать... всё прошло успешно? — Виктория ненавидела неуверенность в собственном голосе, но ей нужно было знать.

— Все документы подписаны, — подтвердила Вера Николаевна. — Кредит реструктурирован на более выгодных условиях, долги перед поставщиками погашены. Что касается

здоровья вашего отца — лучшие кардиологи Швейцарии готовы принять его на следующей неделе. Александр Дмитриевич всегда выполняет свои обещания.

Внутри Виктории что-то дрогнуло — смесь облегчения и горечи. Значит, всё это реально. Воронцов не обманул. От осознания этого факта должно было стать легче, но вместо этого она почувствовала, как петля контракта затягивается туже.

— Присаживайтесь, — Вера Николаевна протянула ей чашку с ароматным кофе. — Александр Дмитриевич заканчивает видеоконференцию.

Виктория опустилась в кресло, стараясь сохранять расслабленную позу, хотя каждый мускул в теле был напряжен. Она непроизвольно бросила взгляд на массивную дверь кабинета Воронцова, представляя, что её ждет за ней. Какие условия он включил в контракт? Насколько унижительными они будут? Сколько свободы у неё останется?

Разговор с отцом накануне вечером всплыл в памяти. Она позвонила ему в больницу, и его голос звучал живее, чем в последние дни:

— Представляешь, Викуш, мне сообщили, что меня направляют в швейцарскую клинику! Какой-то благотворительный фонд взял на себя все расходы. Я сначала не поверил — думал, ошибка.

— Это замечательно, папа, — она старалась звучать радостно, сглатывая стоящий в горле ком. — Это... редкая удача.

— И с рестораном тоже что-то невероятное. Пришли какие-то люди, и внезапно все долги улажены, а Бергман отступил. Твоя мама места себе не находит — не понимает, что происходит. Это не ты как-то замешана, а?

— Я просто немного помогла, — уклончиво ответила она тогда. — Не волнуйся и концентрируйся на выздоровлении.

Она не могла рассказать правду. Позже придётся что-то придумать, объяснить внезапное замужество, но сейчас главное — его здоровье.

— Виктория Сергеевна, — голос Веры Николаевны вернул её в реальность. — Александр Дмитриевич ждёт вас.

Виктория глубоко вдохнула, поставила недопитый кофе и встала. Каждый шаг давался с усилием, словно она шла против сильного течения. Но внешне она оставалась собранной, без малейшего намёка на колебания.

За дверью её ждал не кабинет Воронцова, а просторная переговорная с длинным столом из тёмного дерева. Панорамное окно открывало вид на город, а на столе лежали аккуратные стопки документов. Воронцов стоял у окна, разговаривая по телефону. При её появлении он коротко завершил разговор и повернулся.

Сегодня он был в тёмно-синем костюме, идеально подчеркивающим широкие плечи. Белоснежная рубашка, серебристо-синий галстук, дорогие часы — образец делового совершенства. Его тёмно-синие глаза встретились с её взглядом, и Виктория почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Доброе утро, Виктория Сергеевна, — произнёс он, кивнув на кресло. — Присаживайтесь. Мы уже можем начать.

Только сейчас она заметила ещё одного человека в комнате — пожилого мужчину в безупречном костюме, с аккуратно подстриженной седой бородкой и внимательными глазами за стёклами очков.

— Георгий Павлович Соловьёв, мой личный юрист, — представил его Воронцов. — Он подготовил контракт и проследит за правильностью оформления.

Юрист сдержанно кивнул:

— Приятно познакомиться, Виктория Сергеевна.

— Взаимно, — автоматически ответила она, занимая место напротив Воронцова.

— Полагаю, вы хотели бы сначала ознакомиться с условиями, — произнёс Александр, пододвигая к ней одну из папок. — Георгий Павлович, изложите основные положения.

Юрист откашлялся и заговорил сухим, профессиональным тоном:

— Пакет состоит из брачного договора, соглашения о конфиденциальности и приложения о публичном протоколе супругов. Ключевые пункты следующие:

— Отдельно фиксирую условия завещания, с которыми связано это соглашение. Брак должен быть заключён в течение трёх месяцев, быть юридически действительным и пройти годичный испытательный период. Поверенный Фёдор Иванович контролирует факт регистрации брака, совместного проживания и публичного исполнения супругами семейных обязанностей. Совет директоров вправе единогласно зачесть период досрочно, если Александр Дмитриевич выполнит установленные завещанием деловые показатели.

— Срок действия настоящего соглашения составляет один календарный год; оно может быть прекращено досрочно по обоюдному согласию сторон.

— Виктория Сергеевна обязуется проживать в резиденции Александра Дмитриевича на протяжении указанного срока.

— Виктория Сергеевна обязуется сопровождать Александра Дмитриевича на официальных и светских мероприятиях, поддерживая образ счастливой супружеской пары.

— Стороны обязуются не разглашать третьим лицам условия настоящего соглашения под угрозой существенных штрафных санкций.

Юрист продолжал перечислять пункты, а Виктория быстро просматривала документ, чувствуя, как нарастает внутреннее напряжение. Её внимание привлёк раздел о публичном протоколе супругов:

«...включая, но не ограничиваясь: совместным присутствием на согласованных мероприятиях, комментариями для прессы и допустимыми по взаимному согласию проявлениями привязанности — прикосновениями, объятиями и поцелуями — в рамках общественных норм приличия».

Виктория почувствовала, как краска приливает к щекам. Поцелуи. Она должна будет целовать этого человека. На публике. По контракту.

Она перевернула страницу и наткнулась на раздел о личных правах и обязанностях:

«Стороны освобождаются от супружеских обязанностей интимного характера...»

По крайней мере, этого не требуется. Маленькое, но значимое облегчение.

Дальше следовали детали: предоставление Александром автомобиля с водителем в её распоряжение, банковская карта на текущие расходы, оплата её гардероба («соответствующего статусу супруги»), расписание обязательных мероприятий, протокол поведения в обществе...

— Достаточно, — прервала она перечисление, поднимая взгляд. — Я хотела бы обсудить несколько моментов.

Воронцов слегка приподнял бровь, и на его губах появилась лёгкая, почти незаметная улыбка.

— Слушаю вас.

— Мне хотелось бы сохранить моё право на профессиональную деятельность, — твёрдо произнесла Виктория. — Я не вижу в контракте пункта, гарантирующего мне возможность продолжать работать в моей компании.

— Да, этого пункта там нет, — спокойно подтвердил Воронцов. — Поскольку это нецелесообразно. Супруга человека моего положения не работает PR-менеджером в сторонней компании. Это вызовет ненужные вопросы.

— Директором, — поправила она, стараясь сохранять спокойствие. — Я PR-директор. И я не собираюсь отказываться от карьеры, которую строила годами, из-за фиктивного брака.

Воронцов слегка наклонил голову, изучая её с интересом, словно неожиданный образец под микроскопом.

— Вы понимаете, что ваша карьера несущественна в контексте этой сделки?

— Для вас — возможно. Для меня она принципиальна.

Виктория почувствовала, как внутри разгорается знакомый огонь. Пусть она согласилась на этот фарс, пусть стала частью его плана, но она не позволит отнять у неё всё.

— Я готова пойти на компромисс, — продолжила она, не дожидаясь его ответа. — Я могу взять отпуск за свой счёт на время адаптации, скажем, на месяц. Затем работать неполный день или удалённо. Но я не откажусь от работы полностью.

Воронцов смотрел на неё с непроницаемым выражением лица.

— А если я настояю?

— Тогда мы в тупике, — она выдержала его взгляд. — Это моё условие.

Виктория ожидала вспышки раздражения или холодного отказа. Вместо этого в его глазах промелькнуло что-то, похожее на... уважение?

— Хорошо, — неожиданно согласился он. — Месяц адаптации, затем — неполный рабочий день или удалённая работа, при условии, что это не будет мешать нашим совместным обязательствам. Согласны?

Виктория с трудом скрыла удивление. Она ожидала долгих торгов или категорического отказа, но никак не быстрого согласия. Это было подозрительно легко.

— Георгий Павлович, внесите соответствующие изменения, — сказал Воронцов юристу, который тут же начал делать пометки.

— У меня есть ещё несколько вопросов, — продолжила Виктория, чувствуя прилив уверенности. — В контракте указано, что я должна проживать в вашей резиденции. Я хотела бы уточнить детали — у меня будет отдельная комната?

— Разумеется, — кивнул Воронцов. — Отдельная спальня с прилегающей гардеробной и ванной комнатой. Полностью изолированная часть апартаментов. Мы не будем вторгаться в личное пространство друг друга.

— И ещё один момент, — Виктория перевернула страницу контракта. — Здесь указано, что в случае нарушения конфиденциальности я обязана выплатить компенсацию в размере... — она сглотнула, глядя на сумму, — пятидесяти миллионов рублей. Это абсурдно. У меня нет таких денег.

— Это гарантия серьёзности ваших намерений, — пожал плечами Воронцов. — Сумма намеренно завышена, чтобы исключить даже мысль о нарушении тайны. Но если вам спокойнее, мы можем заменить денежную компенсацию на альтернативные санкции — например, передачу контроля над рестораном вашей семьи.

— Нет! — воскликнула Виктория. — Это ещё хуже.

— Тогда давайте оставим формулировку как есть, — спокойно предложил он. — Поверьте, мне не нужны ни ваши деньги, ни ресторан. Мне нужно только ваше молчание.

Виктория понимала, что здесь ей придётся уступить. Она и не собиралась никому рассказывать о фиктивности брака, но колоссальная сумма всё равно давила психологически.

— Хорошо, — наконец согласилась она. — Но должно быть двустороннее обязательство. Если вы разгласите правду, санкции должны быть такими же.

Уголки губ Воронцова слегка приподнялись:

— Справедливо. Георгий Павлович, внесите соответствующие коррективы.

На обсуждение других пунктов контракта ушло ещё полчаса. Виктория отстаивала свою позицию по каждому спорному моменту, иногда добиваясь уступок, иногда — нет. К её удивлению, Воронцов слушал её аргументы и даже соглашался с некоторыми, хотя и с видом человека, потакающего капризам ребёнка.

— Я думаю, мы учли все ваши... пожелания, — наконец сказал он, когда юрист завершил последние правки. — Георгий Павлович, когда документы будут готовы?

— Через двадцать минут привезут из офиса, — ответил юрист, собирая бумаги. — С вашего позволения, я проверю, всё ли готово.

Он вышел, оставив Викторию наедине с Воронцовым. Повисла тяжёлая пауза.

— Чай, кофе? — спросил Александр с отстранённой вежливостью.

— Нет, спасибо.

Ей хотелось, чтобы все формальности закончились как можно скорее, чтобы можно было уйти и попытаться осмыслить новую реальность.

— Как ваш отец? — неожиданно спросил Воронцов, нарушив молчание.

Виктория удивлённо взглянула на него:

— Лучше, спасибо. Он... очень воодушевлён перспективой лечения в Швейцарии.

— Профессор Хоффман — лучший кардиолог в Европе, — кивнул Воронцов. — Я распорядился организовать специальный рейс. Лететь обычным самолётом в его состоянии рискованно.

В его голосе не было ни капли эмоций — будто речь шла о рутинной бизнес-операции. Но сам факт, что он позаботился о таких деталях, заставил Викторию взглянуть на него с лёгким недоумением.

— Почему вы...

— Я всегда довожу дело до конца, — перебил он. — Если уж я беру на себя обязательство, то выполняю его наилучшим образом. Это просто бизнес-подход.

Возможно, но в его словах прозвучала странная нотка, которую Виктория не смогла расшифровать.

Дверь открылась, и вошёл Георгий Павлович с новыми экземплярами документов.

— Всё готово. Прошу вас, ознакомьтесь с финальной версией.

Виктория медленно просмотрела каждую страницу. Внесённые изменения соответствовали их договорённостям. Юрист протянул ей перьевую ручку с золотым пером — явно дорогую, старинную. Она почувствовала тяжесть ручки и холод металла.

Наступил момент, которого она и боялась, и ждала.

Перед ней лежал контракт, превращающий её жизнь в спектакль на ближайший год. Она станет женой Александра Воронцова. Фиктивной, но юридически настоящей. Будет жить в его доме, посещать мероприятия под его руку, улыбаться на камеры, целовать его на публике... И всё это — обман, сделка, притворство.

Она в последний раз мысленно спросила себя: стоит ли это того? И образ отца в больничной палате, измученного, но полного надежды на лечение, дал ей ответ.

Рука слегка дрожала, когда она ставила подпись. Тонкие линии букв легли на белую бумагу как окончательная отметка: готово. Назад пути нет.

Воронцов забрал ручку из её пальцев. Их руки на мгновение соприкоснулись, и Виктория почувствовала неожиданное тепло его кожи. Она невольно подняла взгляд и встретила с его глазами — тёмно-синими, глубокими, изучающими. Что-то промелькнуло в этом взгляде, какая-то эмоция, не похожая на обычную холодную оценку. Но через секунду она исчезла.

Он поставил размашистую подпись одним движением, будто ставил автограф на рутинном документе, а не менял её жизнь навсегда.

— Поздравляю, у нас сделка, — сказал он, откладывая ручку. — Теперь осталась лишь формальность с официальной регистрацией.

Дело было сделано. Виктория ощутила странную пустоту внутри. Всё напряжение последних дней — ожидание, страх, борьба — вдруг испарилось, оставив вакуум.

Юрист собрал подписанные документы и передал копию Виктории:

— Ваш экземпляр, Виктория Сергеевна.

Воронцов поднялся из-за стола:

— Благодарю за помощь, Георгий Павлович. На этом всё.

Когда юрист вышел, Александр повернулся к Виктории. Его лицо снова стало бесстрастным, деловым:

— Вера Николаевна свяжется с вами сегодня позже, чтобы обсудить детали вашего переезда и подготовку к официальной церемонии. У нас не так много времени — церемония должна состояться через неделю.

— Так скоро? — Виктория невольно вздрогнула.

— У вас есть возражения? — В его голосе прозвучал оттенок иронии. — Чем быстрее мы заключим брак, тем быстрее начнётся отсчёт нашего... совместного времени.

Он был прав. Чем раньше они поженятся, тем раньше закончится этот год.

— Нет, — ответила она. — Никаких возражений.

— Хорошо. Тогда до встречи, — он протянул руку для формального рукопожатия.

Виктория машинально протянула свою ладонь. Её пальцы утонули в его руке — сильной, тёплой, с едва заметными мозолями. Странно, она ожидала холодного, офисного рукопожатия, но его ладонь была удивительно живой, почти обжигающей.

В момент соприкосновения по телу Виктории пробежала волна — странная, неожиданная, похожая на слабый электрический разряд. Она вскинула глаза и увидела, что Воронцов тоже замер, словно ощутив то же самое. На долю секунды их взгляды встретились — уже не деловые, а удивлённые, почти растерянные.

Он отпустил её руку первым, и момент растворился, словно его никогда не было. Александр отошёл на шаг, снова надевая маску холодной вежливости:

— Вера Николаевна проводит вас.

Виктория кивнула, собрала документы и направилась к двери, ощущая странное покалывание в пальцах, которые только что касались его руки. Что это было? Просто статическое электричество? Или игра воображения, вызванная стрессом?

Уже в лифте, спускаясь вниз, она рассматривала свою ладонь, всё ещё хранившую ощущение его прикосновения. «Это ничего не значит», — сказала она себе. Нервы, усталость, перенапряжение — вот объяснение этой странной реакции.

Выйдя из здания на улицу, Виктория глубоко вдохнула. День был ясным и ветреным, город жил своей обычной жизнью — люди спешили по своим делам, не подозревая, что для неё мир только что перевернулся. В руке она сжимала папку с контрактом — тонкую стопку бумаги, определившую её судьбу на год вперёд.

На тротуаре Виктория ещё раз сжала папку с договором. Через неделю она станет женой Александра Воронцова — на бумаге, на публике, на один год.

Она поймала такси и спрятала руку, которой только что пожала его ладонь, в карман пальто. Короткое касание почему-то всё ещё ощущалось на коже — и это раздражало сильнее, чем хотелось признать.

Глава 6

Телефонный звонок разбудил Викторию в семь утра, хотя ей казалось, что она только что закрыла глаза. Сон после подписания контракта был поверхностным, тревожным, полным смутных образов.

— Виктория Сергеевна, доброе утро, — голос Веры Николаевны звучал свежо и бодро, словно не существовало такого понятия, как утренняя усталость. — Надеюсь, я не слишком рано? У нас сегодня крайне насыщенный день.

Виктория потёрла глаза, пытаясь сфокусировать взгляд на циферблате:

— Доброе утро. Нет, всё... в порядке.

— Отлично. Через час за вами заедет машина. Мы встречаемся в офисе компании «Роял Эвент» для обсуждения деталей церемонии. Затем обед с представителями кейтеринговой службы и дегустация меню, после этого — первая примерка платья.

Вика села на кровати, растерянно моргая:

— Но разве я не должна сначала встретиться с Александром Дмитриевичем? Обсудить наши предпочтения... вместе?

На другом конце линии возникла короткая пауза.

— Александр Дмитриевич уже утвердил концепцию и основные параметры мероприятия, — сухо ответила Вера Николаевна. — Его график не позволяет участвовать в обсуждении деталей. Это наша с вами задача.

«Наша задача организовать его свадьбу без его участия», — мысленно перевела Виктория, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. Даже в этом фарсе Воронцов умудрялся оставаться отстранённым.

— Я понимаю, — всё, что она могла сказать. — Буду готова через час.

Положив телефон, Виктория на мгновение замерла, глядя в пространство. Всего сутки прошли с момента подписания контракта, а её жизнь уже начала меняться с головокружительной скоростью. Она встала, отправилась в душ, позволяя горячим струям воды смыть остатки сна и тревогу. Пока она выбирала наряд — строгое тёмно-синее платье с белым воротничком — в голове крутились обрывки мыслей. Меньше чем через неделю она станет официальной женой Александра Воронцова. Фиктивной, но юридически настоящей. Будет жить в его доме, делить с ним повседневность, изображать влюблённость на публике. А пока — этот абсурдный спектакль: подготовка к свадьбе без жениха, без чувств, по сценарию, написанному не ею.

Ровно через час, как и было обещано, у подъезда её ждал чёрный «Мерседес» с водителем в строгом костюме.

— Доброе утро, Виктория Сергеевна, — поприветствовал он её, открывая заднюю дверь. — Меня зовут Николай, я буду вашим персональным водителем.

«Персональный водитель» — ещё один элемент новой жизни, к которому предстояло привыкнуть.

Офис «Роял Эвент» оказался просторным пентхаусом в центре города — светлое пространство с дизайнерской мебелью и фотографиями знаменитостей на стенах. Вера Николаевна уже ждала внутри, беседуя с женщиной в безупречном бежевом костюме.

— А вот и наша невеста! — женщина расплылась в профессиональной улыбке. — Анжела Викторовна, ведущий организатор VIP-мероприятий. Для меня огромная честь работать с будущей женой Александра Дмитриевича!

Виктория натянуто улыбнулась в ответ, мысленно поправляя: «Фиктивной женой. Временной. На год».

— Взаимно, — произнесла она вслух. — Спасибо, что согласились организовать всё в такие сжатые сроки.

— О, для нас это обычное дело, — отмахнулась Анжела. — Свадьбы знаменитостей часто планируются в ускоренном режиме. Пройдёмте, я покажу вам всё, что мы уже подготовили.

Они прошли в соседнюю комнату, где на большом экране высвечивалась презентация с визуализацией будущей церемонии. Исторический особняк с колоннами, украшенный тысячами белых орхидей и лилий. Хрустальные люстры, окружённые цветочными гирляндами. Длинные столы, накрытые белоснежными скатертями с серебряной отделкой. Фонтаны с шампанским, ледяные скульптуры, струнный оркестр на сцене.

— Всё будет в классическом стиле — элегантно, изысканно, безупречно, — щебетала Анжела, перелистывая слайды. — Александр Дмитриевич одобрил концепцию «белой симфонии». Белый и серебристый доминируют, с небольшими акцентами тёмно-синего — цвета вашего будущего мужа.

«Даже в цветовой гамме доминирует его присутствие», — отметила Виктория, но вслух сказала другое:

— А могли бы мы добавить немного зелёного? Возможно, в букетах или сервировке? — спросила она, думая о цвете своих глаз, о том, что хоть что-то в этой свадьбе могло бы отражать её личность.

Анжела и Вера Николаевна обменялись быстрыми взглядами.

— Боюсь, это нарушит целостность концепции, — мягко, но твёрдо ответила организатор. — Всё уже согласовано, и мы заказали декор. Изменения на этом этапе... проблематичны.

— Понимаю, — кивнула Виктория, ощущая, как внутри разрастается чувство бессилия.

Следующий час прошёл в обсуждении меню, развлекательной программы, рассадки гостей. Вернее, не обсуждении, а информировании. Вика лишь кивала, выслушивая решения, уже принятые без её участия.

— А кто в списке гостей? — спросила она, когда Анжела упомянула о трёхстах приглашённых.

— В основном деловые партнёры Александра Дмитриевича, важные клиенты, представители элиты бизнеса и политики, — ответила Вера Николаевна. — Для ваших гостей выделено двадцать мест. Пожалуйста, предоставьте список до завтрашнего утра.

«Двадцать из трёхсот», — отметила Виктория. Даже в этом соотношении был символизм её места в этой новой жизни — маленький придаток к империи Воронцова.

— Моя семья... — начала она.

— Разумеется, включена, — кивнула Вера Николаевна. — Ваши родители и брат. Как вы понимаете, отца привезут на церемонию прямо из кардиоцентра в сопровождении врачей. После регистрации его вернут в кардиоцентр, а утром следующего дня спецрейс доставит родителей в клинику в Швейцарию. Всё организовано.

В голове Виктории пронеслись десятки вопросов: Как объяснить родителям этот внезапный брак? Что им сказать? Как они воспримут всё это? Но задавать их при Анжеле было нельзя.

— Спасибо, — только и смогла она сказать.

Презентация закончилась демонстрацией приглашений — тяжёлых конвертов из дорогой бумаги с серебряным тиснением.

— Они уже отправлены, — сообщила Анжела. — Видите, как всё оперативно? Осталось всего несколько дней, но мы точно успеем сделать вашу свадьбу идеальной!

Её энтузиазм неприятно контрастировал с внутренним состоянием Виктории. «Идеальная фальшивка», — думала она, улыбаясь механически.

После «Роял Эвент» они с Верой Николаевной отправились в ресторан, где их ждал шеф-повар для дегустации свадебного меню. Вика послушно пробовала изысканные блюда, едва различая вкус — внутри нарастало ощущение нереальности происходящего, словно она наблюдала за своей жизнью со стороны.

К трём часам дня она чувствовала себя выжатой, как лимон. Количество решений, которые нужно было одобрить, деталей, которые следовало запомнить, рукопожатий и улыбок, которыми нужно было обменяться — всё это сливалось в мутный поток, из которого выныривали только мысли: «Это не моя свадьба. Это не моя жизнь. Как я здесь оказалась?»

— Сейчас мы едем в офис холдинга, — сообщила Вера Николаевна, когда они сели в машину после ресторана. — Александр Дмитриевич просил Кирилла Давыдова познакомиться с вами.

— Кирилл Давыдов? — Виктория попыталась вспомнить это имя из длинного списка людей, упомянутых за день.

— Финансовый директор «Воронцов Групп» и ближайший друг Александра Дмитриевича, — пояснила помощница. — Они знакомы со студенческих лет. Кирилл — один из немногих людей, кому Александр Дмитриевич безоговорочно доверяет.

«И кто, вероятно, знает о фиктивности нашего брака», — мысленно добавила Виктория. Ей стало не по себе от мысли, что ещё один человек будет смотреть на неё как на товар с ценником.

Офис встретил их привычной атмосферой деловой роскоши. Проходя мимо сотрудников, Виктория замечала их любопытные взгляды — новость о предстоящей свадьбе их босса уже распространилась. Ей казалось, что на лбу у неё горит надпись: «ФИКТИВНАЯ НЕВЕСТА».

Кирилл Давыдов ждал их в небольшой, но роскошно обставленной переговорной. Высокий мужчина около тридцати пяти лет, с внешностью, которую можно было бы назвать привлекательной, если бы не насмешливое выражение глаз, делавшее его лицо чуть надменным.

— Так это и есть легендарная Виктория, — произнёс он вместо приветствия, пожимая ей руку. — Наконец-то познакомимся лично, а то Александр такой скрытный — не сказал ни слова, пока не появились приглашения на свадьбу. Предложил-то когда успел?

В его тоне было что-то, заставившее Викторию напрячься. Насмешка? Подозрение? Она не могла точно определить, но интуиция подсказывала, что перед ней не просто деловой партнёр, а человек, пришедший её оценить.

— Мы с Александром предпочитаем не афишировать личную жизнь, — ответила она спокойно, выбирая нейтральную формулировку.

— Вот это да, — Кирилл изобразил удивление. — Какая скрытность. И быстро же вы сблизились.

Виктория почувствовала, как краска приливает к щекам — уловка сработала. Она позволила себе легкую улыбку:

— Полагаю, нет смысла соблюдать формальности с будущим мужем, не так ли?

— Разумеется, — кивнул Кирилл, внимательно наблюдая за её реакцией. — Просто Алекс обычно не торопится сблизиться с людьми. Пятнадцать лет дружбы, а я до сих пор не уверен, что знаю его до конца.

— Иногда люди неожиданно открываются, — пожала плечами Виктория, продолжая игру, в которой ей приходилось импровизировать.

— Безусловно, — Кирилл обвёл её изучающим взглядом. — Особенно когда у них есть веская причина.

Вера Николаевна кашлянула, привлекая внимание:

— Кирилл Андреевич, возможно, Виктории Сергеевне будет интересно узнать подробнее о бизнесе её будущего супруга и вашей роли в нём.

Кирилл усмехнулся, принимая новое направление разговора:

— Конечно. Что ж, я отвечаю за финансы всего холдинга. Мы с Алексом — как две стороны одной монеты. Он — стратег, я — тактик. Он придумывает гениальные проекты, я делаю их прибыльными. Он принимает глобальные решения...

— А вы подсчитываете выгоду, — закончила за него Виктория. — И оцениваете риски. Включая меня, не так ли?

В глазах Кирилла промелькнуло удивление, быстро сменившееся чем-то похожим на уважение:

— Умно, — признал он. — Да, я люблю анализировать риски. Алекс слишком привык полагаться на интуицию, а я — на цифры и факты. В этом наша сила как команды.

Виктория кивнула, чувствуя, что нащупала верный тон:

— И какой вердикт? Я — допустимый риск?

Кирилл рассмеялся, на этот раз искренне:

— Вердикт ещё не вынесен. Испытательный срок, так сказать, в процессе. — Его лицо снова стало серьёзным. — Но знаете, что меня действительно интересует? Почему такая умная женщина, как вы, согласилась на брак с человеком, которого едва знает.

— По той же причине, по которой умные люди принимают любые важные решения, — не дрогнув, ответила Виктория. — Потому что в определённый момент выгоды начинают перевешивать риски.

— Выгоды, — повторил Кирилл, словно пробуя слово на вкус. — Интересный выбор термина для описания брака.

— Не стоит придирается к словам, — легко парировала Виктория. — Я имела в виду эмоциональные выгоды, конечно же. Иногда нужно следовать велению сердца, даже если разум сомневается.

«Хватит играть со мной в кошки-мышки, — хотелось крикнуть ей. — Ты знаешь, что это фикция, я знаю, что ты знаешь, давай просто признаем это и закончим комедию».

Но вместо этого она продолжала улыбаться, поддерживая светскую беседу, пока Вера Николаевна не объявила, что им пора двигаться дальше.

— Что ж, было приятно познакомиться, Виктория, — Кирилл снова пожал ей руку. — Думаю, мы ещё не раз увидимся. Добро пожаловать в семью «Воронцов Групп». Надеюсь, вы быстро освоитесь в нашем... специфическом маленьком мире.

— Спасибо за тёплый приём, — в тон ему ответила Виктория, прекрасно понимая, что никакого тепла в этой встрече не было — только холодная оценка и проверка.

Когда они с Верой Николаевной остались наедине в лифте, помощница заговорила неожиданно мягким тоном:

— Вы хорошо справились. Кирилл бывает... непростым в общении.

— Он сомневается во мне, — прямо сказала Виктория. — И в искренности моих намерений.

— Он заботится об Александре Дмитриевиче, — просто ответила Вера Николаевна. — Как и все мы.

В машине по дороге в свадебный салон Вера Николаевна достала из портфеля толстую папку:

— Это для вас. Информация, которая поможет вам соответствовать статусу жены Александра Дмитриевича.

Папка оказалась своеобразным досье на будущего «мужа»: его ежедневный распорядок (подъём в 5:30, занятия спортом, деловые завтраки, график встреч до позднего вечера); предпочтения в еде (ничего жирного или сладкого, идеальный завтрак — овсянка без сахара и чёрный кофе); требования к гардеробу (только определённые бренды, преимущественно в синих, серых и чёрных тонах); аллергии (пенициллин и лактоза); список людей, с которыми следует быть особенно вежливой, и тех, кого лучше избегать; темы, которые нельзя затрагивать в его присутствии (детство, отец, прошлые отношения).

— Это... впечатляет, — пробормотала Виктория, листая страницы. — Такое чувство, что я готовлюсь работать с капризной знаменитостью, а не выходить замуж.

— Александр Дмитриевич — человек привычки и порядка, — спокойно ответила Вера Николаевна. — Он ценит предсказуемость и комфорт в своём окружении. Эта информация просто поможет вам избежать... ненужных трений.

«Ненужных трений, — мысленно повторила Виктория. — То есть любых проявлений моей личности, которые могут нарушить его драгоценный распорядок».

— Спасибо, — сказала она вслух. — Я изучу.

— И ещё, — добавила Вера Николаевна, доставая маленькую визитку, — контакты вашего нового стилиста. Ольга создаст для вас полностью обновлённый гардероб, соответствующий вашей новой роли. Первая встреча завтра в 9 утра.

«Новая роль. Новый гардероб. Новая жизнь. Новая я», — пронеслось в голове Виктории, пока она машинально принимала визитку. Чем дальше, тем сильнее она ощущала, как её личность постепенно стирается, подменяясь сконструированным образом «жены Воронцова».

В свадебном салоне её уже ждала Марина. При виде подруги Виктория почувствовала, как внутренние барьеры, которые она возводила весь день, начинают рушиться. Марина была якорем, связывающим её с прежней жизнью — той, где она была просто Викой, а не будущей миссис Воронцовой.

— Ты выглядишь измотанной, — констатировала Марина, обнимая её. — Что, заставляют планировать свадьбу века?

— Не планировать, — покачала головой Виктория. — Одобрять уже принятые решения.

Они отошли в сторону, пока консультант готовила платья для примерки, а Вера Николаевна беседовала с управляющей салона.

— Рассказывай, — потребовала Марина приглушённым голосом. — Что происходит?

— Полное безумие, — выдохнула Виктория. — Они организуют свадьбу, словно бизнес-проект. Всё распланировано до минуты, каждая деталь утверждена. Мне остаётся только улыбаться и кивать.

— А чего ты ожидала? — пожала плечами Марина. — Он бизнесмен до мозга костей. Конечно, он и к браку подходит как к слиянию компаний.

— Я не была готова к такому масштабу контроля, — призналась Виктория. — Это во сто крат хуже, чем я представляла. Они буквально переделывают меня под его стандарты — диктуют, как одеваться, с кем общаться, какие темы обсуждать...

— Вик, ты меня пугаешь, — Марина понизила голос до шёпота. — Это звучит как какая-то секта. Может, стоит всё переосмыслить? Деньги не стоят потери себя.

Виктория горько усмехнулась:

— Уже поздно. Контракт подписан, свадьба объявлена... И дело не в деньгах, ты знаешь. Папу стабилизировали в кардиоцентре. После регистрации его вернут под наблюдение врачей, а утром следующего дня родители вылетят в Швейцарию на операцию. Ресторан спасён от банкротства. Всё в движении.

— И ты просто позволишь им превратить себя в запрограммированную куклу? — В глазах Марины читалось беспокойство, граничащее с тревогой. — Вик, я тебя не узнаю. Где та девушка, которая боролась за свои идеи, которая не прогибалась даже под самыми требовательными клиентами?

— Она продала год своей жизни, чтобы спасти свою семью, — тихо ответила Виктория. — И теперь пытается пережить этот год с минимальными потерями.

— А если потеряешь себя? — настаивала Марина. — Если через год обнаружишь, что уже не помнишь, какой была до него?

Виктория не успела ответить — к ним подошла консультант, сияя профессиональной улыбкой:

— Мы готовы для первой примерки! Пять самых элегантных платьев в классическом стиле, как и просили!

Примерочная выглядела как роскошный будуар — пушистый ковёр, мягкое кресло, зеркала в полный рост с идеальным освещением. Виктория механически переодевалась, позволяя ассистенткам помогать ей с многочисленными пуговицами, крючками и шнуровками. Платье за платьем — всё белоснежные, все с длинными шлейфами, сложной вышивкой и декором из кристаллов.

— Это потрясающе! — восклицала консультант каждый раз.

— Выглядит как пирожное, — шептала Марина, когда никто не слышал, и Виктория давилась смехом, благодарная за эти моменты нормальности среди сюрреализма дня.

Пятое платье оказалось другим — более сдержанным, с чистыми линиями, минималистичным, но безупречно скроенным. Виктория, взглянув в зеркало, внезапно увидела в отражении не себя, а элегантную незнакомку — холодную, совершенную, идеально подходящую для роли жены миллиардера.

— Это идеально, — произнесла Вера Николаевна, впервые за день проявив настоящие эмоции. — Именно то, что нужно.

Виктория смотрела на своё отражение с странным чувством отстранённости. Девушка в зеркале была невероятно красива, но как будто чужая — идеальная оболочка без души внутри. «Именно то, что нужно для фиктивного брака», — подумала она.

— Мне нужно минутку, — сказала Виктория, когда все начали обсуждать возможные украшения и аксессуары к платью. — Я вернусь.

Она прошла в уборную, заперла дверь и прислонилась к стене, пытаясь справиться с внезапным приступом головокружения. Тошнота подкатывала к горлу, а мерцающий свет люминесцентных ламп казался нестерпимо ярким. Виктория опустила голову, сделала несколько глубоких вдохов. «Это временно, — напомнила она себе. — Всего год. Ради семьи. Я справлюсь».

Вернувшись в примерочную, она натянула на лицо маску спокойствия:

— Да, это платье. Мы его берём.

Когда все формальности с платьем были улажены (цена даже не обсуждалась — очевидно, бюджет был неограничен), Вера Николаевна взглянула на часы:

— Нам пора. У нас ещё встреча с флористами.

Виктория покорно кивнула, чувствуя себя тряпичной куклой, которую таскают с одного мероприятия на другое. Усталость накатывала волнами.

— Я заеду к тебе вечером, — сказала Марина, крепко обнимая её перед расставанием. — Погрязнешь в этом безумии в одиночку — сломаешься.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Виктория. — Я буду дома после восьми.

День продолжался в том же лихорадочном темпе. Флористы, ювелиры для выбора обручальных колец («Александр Дмитриевич предпочитает платину, без камней, лаконичный дизайн»), фотограф для предсвадебной фотосессии. К восьми вечера, когда Виктория наконец добралась до своей квартиры, она чувствовала себя так, словно пробежала марафон.

Дверной звонок прозвенел почти сразу, как она переоделась в домашнюю одежду. На пороге стояла Марина с бутылкой вина и коробкой пиццы:

— Решила, что тебе нужна дозаправка калориями и алкоголем.

— Ты читаешь мои мысли, — улыбнулась Виктория, пропуская подругу.

Они устроились в гостиной, и Вика наконец позволила себе расслабиться — первый раз за день. Марина внимательно слушала рассказ о всех перипетиях подготовки, временами качая головой:

— Это какое-то безумие. Никогда не думала, что свадьбы могут быть такими... стерильными.

— Именно! — воскликнула Виктория. — Все говорят о безупречности, соответствии статусу, общественном мнении. Никто ни разу не упомянул чувства, желания, радость. Словно готовят не праздник, а бизнес-презентацию.

— А чего ты ожидала от фик... — Марина осеклась, но потом продолжила: — От фиксированных роботов вроде Воронцова и его окружения.

Виктория благодарно улыбнулась за то, что подруга не произнесла вслух слово «фиктивный». Даже в безопасности собственной квартиры она боялась называть вещи своими именами.

— Знаешь, что самое странное? — задумчиво произнесла Виктория, вертя в руках бокал. — Я весь день не видела Воронцова и, может быть, не увижу до самой церемонии. Но его присутствие ощущается во всём — каждый выбор, каждая деталь отражает его вкус, его предпочтения, его мир. Такое чувство, что меня затягивает в... его гравитационное поле, где всё вращается только вокруг него.

— Ты говоришь как...

Звонок в дверь прервал фразу Марины. Виктория нахмурилась — она никого не ждала.

— Курьер? — предположила Марина.

— В десять вечера?

Виктория подошла к двери и заглянула в глазок. На площадке стоял курьер в фирменной форме с логотипом известного ювелирного дома.

— Доставка для Виктории Соколовой, — сообщил он, когда она открыла дверь.

— Это я.

Курьер передал ей небольшую коробку, затем планшет для подписи:

— Распишитесь здесь, пожалуйста.

Когда курьер ушёл, Виктория вернулась в гостиную с коробкой в руках.

— Что это? — заинтересовалась Марина.

— Понятия не имею. Я ничего не заказывала, — Виктория открыла бархатную коробочку и застыла.

Внутри лежало изысканное бриллиантовое кольцо с изумрудами — тонкая платиновая цепочка с филигранным узором из небольших драгоценных камней, обрамляющих более крупный центральный изумруд. Украшение было одновременно элегантным и сдержанным, но явно баснословно дорогим.

— Боже мой, — выдохнула Марина, заглядывая через плечо. — Это... настоящее?

Виктория молча кивнула, аккуратно доставая кольцо из коробки. Под ним лежала карточка. Открыв её, Вика увидела всего две строчки, написанные чётким, острым почерком:

«Для церемонии. Подчеркнёт цвет твоих глаз. Для достоверности. А.В.»

Она протянула карточку Марине, которая прочитала и присвистнула:

— Ничего себе. Кажется, господин Снежный король всё-таки заметил цвет твоих глаз.

Виктория не ответила, разглядывая украшение. Это был первый жест со стороны Воронцова, который хоть отдалённо напоминал нормальный предсвадебный подарок. И всё же последняя фраза — «для достоверности» — перечёркивала любой намёк на личное внимание.

— Какая ирония, — тихо сказала она. — Единственная деталь, которая действительно подчеркнёт что-то моё на этой свадьбе — подарок с циничным напоминанием о фальшивости всего происходящего.

— Может, не всё так плохо? — неуверенно предположила Марина. — По крайней мере, он заметил твои глаза. Это уже что-то.

Виктория покачала головой, осторожно возвращая кольцо в коробку:

— Это ничего не значит. Просто ещё один элемент безупречного спектакля. Вряд ли он даже сам выбирал — наверняка поручил это Вере Николаевне или кому-то ещё.

Закрывая коробочку, Виктория снова вспомнила его фразу: «Подчеркнёт цвет твоих глаз». Значит, Воронцов всё-таки заметил эту мелочь.

Она захлопнула крышку. Любопытство к человеку за договором было роскошью, которую она не собиралась себе позволять.

Глава 7

Первые лучи солнца пробивались сквозь тяжёлые шторы президентского люкса отеля «Империял», когда Виктория открыла глаза. Несколько секунд она смотрела в потолок, не понимая, где находится, а затем реальность обрушилась на неё всей тяжестью осознания: сегодня день свадьбы. Сегодня она официально станет женой Александра Воронцова.

Вика села в кровати, чувствуя, как сердце заходится в паническом ритме. Свадьба. Фиктивная, расчётливая, деловая — но всё же свадьба. Белое платье, кольца, клятвы, которые будут фальшивкой от первого до последнего слова.

В соседней комнате послышалось движение — кто-то из команды стилистов, флористов, организаторов. Они появились в номере ещё вчера вечером, превратив пространство в импровизированный свадебный штаб. Виктория попросила их не беспокоить её до семи — хотела хоть ненадолго остаться наедине с собой перед тем, как начнётся весь этот спектакль.

Она подошла к окну. Вид из люкса открывался на исторический центр города — купола соборов, башни старинных зданий, всё в золотистом свете раннего утра. Где-то там, в одном из этих зданий, шли последние приготовления к церемонии.

Телефон на тумбочке завибрировал. Сообщение от матери: «Доченька, мы приехали. Уже внизу, можно подняться?»

Родителей привезли из кардиоцентра. Отец был ещё бледным и ослабленным, но врачам удалось стабилизировать его настолько, чтобы разрешить короткое присутствие только на церемонии под наблюдением медиков. После регистрации он должен был вернуться в кардиоцентр, а утром следующего дня спецрейс доставил бы его с Натальей в швейцарскую клинику, где планировали провести основную операцию. Когда Виктория думала об этом, сомнения в правильности её решения отступали. Ради этого стоило согласиться на контракт с Воронцовым.

«Конечно, поднимайтесь. 1255 номер», — ответила она.

Всю неделю перед свадьбой Виктория избегала серьёзных разговоров с родителями. Отцу она объяснила своё внезапное решение выйти замуж тем, что они с Александром давно знакомы, просто скрывали отношения. Сергей Соколов не выглядел убежденным, но из уважения к дочери принял эту версию. Или сделал вид, что принял. Виктория не знала, что было хуже.

Стук в дверь прервал её мысли.

— Вика? — мамин голос звучал взволнованно.

— Иду!

Наталья Соколова выглядела элегантно в светло-голубом платье с серебристым жакетом — её «свадебный наряд», выбранный стилистами Воронцова. Обнимая дочь, она вгляделась в её лицо с материнской пронизательностью:

— Ты не спала, — не вопрос, а утверждение.

— Нервничаю, — Виктория отвела взгляд. — Как папа?

— Отдыхает внизу с Денисом. Врач сказал, что трёх часов на церемонию ему хватит, но нужно беречь силы.

Наталья прошла по номеру, рассеянно касаясь цветочных композиций, шкатулок с украшениями, вороха коробок с логотипами элитных брендов.

— Какая роскошь, — заметила она тихо. — Твой жених... не скупится.

— Александр любит делать всё... на высшем уровне, — произнесла Виктория заученную фразу, чувствуя горечь от этой полуправды.

Мать остановилась, внимательно глядя на дочь:

— Вика, я не хочу давить, но... Ты уверена, что поступаешь правильно? Всё происходит так стремительно. Ещё месяц назад ты даже не упоминала об Александре, а теперь — замуж?

Виктория почувствовала, как к горлу подкатывает комок.

— Мам, пожалуйста... Я... я знаю, что делаю.

— Дело в деньгах? — прямо спросила Наталья. — В лечении отца? В ресторане? Если этот человек как-то давит на тебя из-за нашей ситуации...

— Нет! — слишком поспешно возразила Виктория. — Ничего подобного. Просто... так сложилось.

Она не могла смотреть матери в глаза, произнося эту ложь.

Наталья вздохнула, затем подошла и мягко взяла дочь за руки:

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, солнышко. Александр кажется... очень сильным человеком. Властным. Я надеюсь, он будет ценить твою собственную силу и независимость.

Виктория обняла мать, пряча лицо у неё на плече, как делала в детстве, когда ей было страшно.

— Всё будет хорошо, мам. Правда.

Словно по сигналу, дверь номера открылась, и в комнату вошла целая делегация — стилисты, визажисты, ассистенты Веры Николаевны. Началось утро невесты — странное, нереальное утро фиктивной невесты.

Следующие три часа превратились в калейдоскоп рук, касающихся её волос, лица, тела; голосов, обсуждающих оттенки, текстуры, формы; зеркал, в которых Виктория постепенно трансформировалась в безупречно красивую, но почти незнакомую женщину.

Мать сидела в стороне, наблюдая за процессом с плохо скрываемым беспокойством. Иногда она ловила взгляд дочери в зеркале и улыбалась ободряюще, но Виктория видела тревогу в её глазах.

— Время для платья! — объявила старший стилист, когда макияж и причёска были закончены.

Белоснежное платье извлекли из специального чехла, бережно, словно драгоценную реликвию. Четыре ассистентки помогали Виктории облачиться, ловко справляясь с множеством пуговиц и крючков. Наталья тихо ахнула, когда дочь наконец повернулась, полностью одетая.

— Виктория, ты... прекрасна, — прошептала она. — Как принцесса.

«Нет, мама, — подумала Вика, глядя на своё отражение. — Как товар на аукционе. Красивый, дорогой, но всё же товар».

В дверь постучали. Вошла Вера Николаевна, элегантная в строгом сером костюме. Она окинула Викторию профессиональным взглядом и кивнула, явно удовлетворённая результатом.

— Прекрасно. Осталось добавить украшения.

Она протянула знакомую бархатную коробочку — кольцо с изумрудами, подаренное Воронцовым. Но затем достала ещё одну, меньшего размера:

— Это тоже от Александра Дмитриевича. Прибыло сегодня утром.

Виктория открыла коробочку. Внутри лежали изящные серьги с изумрудами и бриллиантами, идеально сочетающиеся с колье. Под ними была записка, написанная тем же чётким почерком: «Комплект должен быть полным. А.В.»

Что-то в этой записке — её деловитость, отсутствие каких-либо личных чувств — задело Викторию глубже, чем она ожидала. Это был не подарок невесте, а скорее аксессуар для манекена, необходимый для завершения образа.

— Помочь надеть? — предложила Вера Николаевна.

— Я сама, — Виктория взяла серьги и приколотла их к ушам, глядя в зеркало невидящим взглядом.

Вера Николаевна проверила время:

— Пора. Машина ждёт. Церемония через час.

Наталья подошла к дочери, крепко обняла её:

— Что бы ни случилось, Вика, помни: мы с отцом любим тебя. И поддержим любое твоё решение.

В этих словах Виктория услышала невысказанное: «даже если ты передумаешь в последний момент». Горло снова сжалось от подступающих слёз, но она не могла позволить себе плакать — это разрушило бы идеальный макияж. Очередная метафора её новой жизни — нельзя проявлять настоящие чувства, это испортит совершенный фасад.

Историческое здание в центре города выглядело как дворец из сказки — белые колонны, увитые живыми цветами, красная дорожка, ведущая к входу, хрустальные вазы с белыми орхидеями, вспышки фотокамер, десятки машин с логотипами телеканалов.

Виктория, сидя в белом Rolls-Royce, подъехавшем последним, смотрела на это великолепие с отстранённым удивлением. Неужели это действительно её свадьба? Этот масштаб, эта роскошь, этот ажиотаж прессы?

Вера Николаевна, сидевшая рядом, коснулась её руки:

— Всё готово. Помните, что мы обсуждали — улыбка, прямая спина, глаза либо на Александра Дмитриевича, либо слегка опущены. Никаких резких движений, только плавность и грация.

Виктория кивнула. Инструктаж, как для актрисы перед спектаклем.

— Ваш отец ждёт у входа, чтобы проводить вас, — добавила Вера Николаевна. — Удачи.

Дверь открыли снаружи. Вспышки камер, возгласы, шум — всё слилось в единый гул, пока Виктория выходила из машины, придерживая длинный шлейф платья. У входа действительно ждал отец — бледный, но держащийся прямо, в безупречном смокинге.

— Папа, — выдохнула она, беря его под руку и вглядываясь в лицо с тревогой. — Ты как? Не стоило тебе...

— Даже не начинай, — он улыбнулся, в глазах блеснули непролитые слёзы. — Я бы не пропустил свадьбу единственной дочери, даже если бы пришлось ползти. Ты сегодня... самая красивая невеста в мире.

Он смотрел на неё с такой любовью и гордостью, что Виктории захотелось разрыдаться, упасть на колени, признаться во всём — в сделке, в контракте, в обмане. Но она не могла. Ради него же она не могла.

— Готова? — спросил Сергей Соколов, предлагая руку.

«Нет, не готова, никогда не буду готова к этой лжи», — кричало всё внутри неё.

— Да, — ответила она вслух.

Они вошли в здание, медленно, торжественно. Огромный зал был преображён до неузнаваемости — белая симфония цветов, тканей, кристаллов, свечей. Сотни гостей в вечерних нарядах повернулись, когда заиграл свадебный марш. В конце длинного прохода, у импровизированного алтаря, стоял он — Александр Воронцов.

Виктория впервые видела его за всю неделю подготовки. Безупречный чёрный смокинг, белоснежная рубашка, идеальная осанка. Его лицо — непроницаемая маска, только глаза, тёмно-синие, внимательные, следили за её приближением.

Путь к алтарю казался бесконечным. Виктория шла словно во сне, почти не ощущая руки отца. Лица гостей сливались в размытое пятно — она не знала почти никого из них. Где-то в этой толпе были мать и брат, возможно, пара друзей и коллег — мизерная часть трёхсот приглашённых.

С каждым шагом Александр становился всё ближе. Теперь она могла разглядеть детали — запонки с синими сапфирами, идеально выбритое лицо, тонкую линию губ. Никакой улыбки, никакого волнения — только сосредоточенность человека, выполняющего важную, но рутинную задачу.

Отец передал её руку Александру. Момент был таким традиционным, таким символическим — отец вручает дочь будущему мужу, доверяет её заботе и защите. Только в их случае это был просто жест, пустой ритуал.

Рука Александра оказалась неожиданно тёплой и сухой. Его пальцы уверенно сжали её ладонь — не нежно, не грубо, просто функционально, словно они заключали деловой контракт. Впрочем, именно это и происходило.

Церемониймейстер начал традиционные слова о союзе двух любящих сердец. Виктория стояла, слушая эту ложь, и чувствовала себя всё более нереальной, будто наблюдала за происходящим со стороны.

Настал момент клятв. Александр произносил слова чётко, решительно, глядя ей прямо в глаза — идеальная имитация искренности. Если бы она не знала правду, возможно, поверила бы.

Потом настала её очередь. Виктория чувствовала, как дрожит её голос, как пересыхает горло. «Клянусь любить и заботиться...» — слова, которые были ложью от первого до последнего звука. Любить этого холодного, расчётливого человека, который купил её год жизни?

И всё же она произнесла их. Ради отца, сидящего в первом ряду. Ради матери, украдкой вытирающей слёзы, думая, что это слёзы счастья. Ради брата, которому теперь не придётся бросать учёбу, чтобы спасти семейный бизнес.

— Объявляю вас мужем и женой, — произнёс церемониймейстер. — Можете поцеловать невесту.

Этот момент. Виктория знала, что он будет, готовилась к нему, и всё же оказалась не готова, когда он наступил. Александр повернулся к ней, его рука легла на талию — не притягивая, просто обозначая позицию. Он слегка наклонился, его лицо приблизилось.

Виктория ожидала формального, мимолётного прикосновения губ — клинического, холодного, делового. Как рукопожатие, только губами.

Но когда их губы соприкоснулись, произошло нечто неожиданное. Его губы оказались тёплыми, мягкими, а поцелуй — не таким уж формальным. Он длился всего пару секунд, но Виктория почувствовала странное тепло, разливающееся от места соприкосновения по всему телу. Словно электрический ток, слабый, но ощутимый разряд.

Она открыла глаза, не помня, когда успела их закрыть, и встретила с его взглядом — внимательным, изучающим, с намёком на удивление. Он тоже что-то почувствовал?

Момент растворился в грохоте аплодисментов, вспышках фотокамер, возгласах одобрения. Александр отстранился, его рука всё ещё лежала на её талии — теперь чуть крепче, почти собственнически.

Они повернулись к гостям, улыбаясь — она неуверенно, он сдержанно. Совершенный кадр для прессы: красивая пара, счастливые молодожёны. Идеальная ложь.

После церемонии Сергей попрощался с дочерью и под наблюдением врачей вернулся в кардиоцентр; на приёме остались Наталья и Денис. Сам приём был безупречен, как и всё, что касалось бизнес-империи Воронцова. Шампанское лилось рекой, оркестр играл негромкую классику, официанты с подносами изысканных закусок скользили между гостями.

Виктория держалась рядом с Александром, как предписывал сценарий. Её рука лежала на сгибе его локтя, их плечи иногда соприкасались, они обменивались короткими фразами, изображая супружескую близость.

«Улыбайся, — напоминала себе Виктория каждые несколько минут. — Смотри на него с обожанием. Ты влюблённая невеста. Это твой счастливый день».

Гости подходили один за другим — поздравления, комплименты, многозначительные улыбки. Виктория едва успевала запоминать имена — крупные бизнесмены, политики, знаменитости. Мир, о существовании которого она знала только из новостей, теперь окружал её, принимая как свою — без подозрений, без вопросов.

— Ты прекрасно справляешься, — неожиданно шепнул ей Александр, когда они на мгновение остались одни между приветствиями. — Все верят, что ты без ума от меня.

Его голос был ровным, деловым, словно он оценивал выполнение работы подчинённым. Но был в нём и намёк на... одобрение?

— А ты отлично изображаешь влюблённого жениха, — парировала она тихо. — Даже я иногда верю.

Тень улыбки тронула его губы — той самой, что она ощутила во время поцелуя.

— Мы оба профессионалы своего дела, — ответил он. — Кстати, тебе очень идут изумруды. Как я и предполагал.

Прежде чем она успела ответить, к ним приблизилась очередная пара с поздравлениями, и момент был потерян.

Традиционный первый танец прошёл как в тумане. Александр уверенно вёл, его рука на её талии была твёрдой, но не давящей. Они двигались в идеальном ритме — ещё одно доказательство его контроля над всем, даже над танцем.

— У тебя хорошая техника, — заметил он, когда они кружились в центре зала под прицелом десятков камер.

— Брала уроки в юности, — ответила она. — А ты где научился?

— В Швейцарии. Частная школа. Танцы были обязательным предметом.

Этот короткий обмен фразами был самым личным разговором за весь день. Виктория поймала себя на странной мысли: ей хотелось узнать больше. Каким ребёнком был Александр Воронцов? О чём мечтал? Когда стал тем холодным, расчётливым человеком, которого она знала?

Танец закончился. Александр элегантно поклонился, затем поднёс её руку к губам — ещё один жест для публики, ещё одна деталь спектакля. Но его губы задержались на её пальцах чуть дольше необходимого, и Виктория снова почувствовала тот странный электрический импульс, который заставил её пульс участиться.

Именно в этот момент она увидела её — женщину, направлявшуюся к ним сквозь толпу с целеустремлённостью торпеды. Высокая, стройная блондинка в облегающем серебристом платье, подчёркивавшем каждый изгиб безупречной фигуры. Её лицо — произведение искусства: высокие скулы, большие серо-голубые глаза, полные губы, изогнутые в улыбке, не затрагивающей глаз.

Виктория почувствовала, как рука Александра на её талии напряглась.

— Алекс, дорогой! — женщина приблизилась, её голос звучал как шёлк, но с острыми краями. — Какой чудесный сюрприз! Ты и... женитьба.

— Диана, — холодно кивнул Александр. — Не помню, чтобы отправлял тебе приглашение.

— О, это мелкое недоразумение, — она взмахнула рукой с длинными, идеально наманикюрованными ногтями. — Я с Виталием Сергеевичем, он не мог прийти один на такое событие.

Её взгляд переместился на Викторию, оценивающий, острый, как скальпель.

— А это, должно быть, счастливая невеста! — Диана протянула руку. — Диана Ренская. Алекс и я были... хорошо знакомы.

В её голосе звучал недвусмысленный намёк. Виктория пожала протянутую руку, ощущая идеальный маникюр, дорогой крем, прохладную кожу.

— Виктория Воронцова, — произнесла она, впервые используя новую фамилию. — Приятно познакомиться.

— Воронцова! — Диана мелодично рассмеялась. — Как быстро ты освоилась с новым статусом. И правильно, дорогая. Наслаждайся, пока можешь. Алекс такой... непостоянный.

Эта прямая атака, почти не скрытая светским тоном, заставила Викторию напрячься. Она знала, что Воронцов был связан с другими женщинами до неё — это естественно. Но встретить бывшую возлюбленную на собственной свадьбе, пусть и фиктивной, было неприятно.

— Диана, — голос Александра стал ещё холоднее, глаза сузились. — Ты забываешься.

— Что ты, милый, — она игриво коснулась его плеча, — я просто хотела поздравить вас обоих. Такая... неожиданная свадьба. Почти спонтанная. Заставляет задуматься о причинах такой спешки.

Виктория почувствовала, как щёки заливают краска. Диана была точно в цель — именно этот вопрос задавали и будут задавать все вокруг. Почему так быстро? Не потому ли, что...

— Когда находишь то, что искал всю жизнь, — неожиданно произнёс Александр, его голос стал бархатистым, почти нежным, — глупо медлить.

Он повернулся к Виктории, его взгляд был тёплым, с тенью улыбки:

— Правда, любимая?

Виктория на мгновение потеряла дар речи. Его взгляд, его голос — если бы она не знала правду, поверила бы, что он действительно влюблён. Такого уровня актёрского мастерства она не ожидала.

— Правда, — эхом отозвалась она, заставляя себя улыбнуться. — Когда это настоящее, время не имеет значения.

Диана наблюдала за этим обменом с недоверчивым удивлением.

— Как... романтично, — процедила она. — Никогда не думала, что услышу нечто подобное от тебя, Алекс. Она, должно быть, особенная.

— Именно так, — кивнул Александр, его рука на талии Виктории стала собственнической. — А теперь, если позволишь, нас ждут другие гости.

Он повёл Викторию прочь, оставив Диану стоять с плохо скрываемым раздражением.

— Твоя бывшая? — тихо спросила Виктория, когда они отошли.

— Одна из многих, кто считает себя таковой, — равнодушно ответил он. — Диана всегда переоценивала наши... отношения.

— Она явно не в восторге от вашего разрыва.

— И от нашей свадьбы тоже, — в его голосе промелькнуло что-то похожее на удовлетворение. — Ты хорошо справилась. Быстро сориентировалась.

— Годы работы в PR, — пожала плечами Виктория. — Умение держать лицо в кризисных ситуациях — мой профессиональный навык.

— Полезный навык для жены бизнесмена, — заметил он. — Даже фиктивной.

Это напоминание о фиктивности их союза почему-то кольнуло сильнее, чем должно было.

К полуночи ноги Виктории гудели от усталости, а лицо болело от непрерывной улыбки. Когда Александр наконец объявил, что они покидают приём, она почувствовала только облегчение.

Они попрощались с гостями, Натальей и Денисом и пообещали встретиться утром в кардиоцентре перед вылетом родителей в Швейцарию.

В лимузине, увозившем их от особняка, воцарилась тишина. Виктория смотрела в окно на ночной город, физически ощущая расстояние между собой и сидящим рядом мужчиной, который теперь юридически был её мужем.

Без свидетелей они оба сбросили маски «счастливых молодожёнов». Александр проверял что-то в телефоне, его лицо вернулось к обычному сосредоточенному выражению. Виктория украдкой наблюдала за его профилем, вспоминая события дня — церемонию, поцелуй, танец, прикосновения.

Всё было ложью. Игрой на публику. И всё же в некоторые моменты эта ложь казалась почти... настоящей.

«Это опасные мысли, — напомнила себе Виктория. — Никогда не забывай, что это всего лишь контракт».

— Мы приехали, — внезапно произнёс Александр.

Лимузин остановился перед современным высотным зданием из стекла и стали. Одна из самых роскошных жилых башен города — она знала это место по журналам о недвижимости.

— Добро пожаловать домой, — сказал Александр, когда они вошли в просторный вестибюль с мрамором и зеркалами. — Точнее, в наш дом на ближайший год.

В лифте Виктория смотрела на сменяющиеся цифры этажей и пыталась привыкнуть к простой мысли: с сегодняшнего дня за этой дверью будет их общий адрес. На год.

Год только начинался.

Глава 8

Лифт поднимался бесшумно, словно капсула в стерильном научном эксперименте. Тридцать два этажа — и ни намёка на вибрацию, ни малейшего звука. Только цифры на электронном табло сменяли друг друга с неумолимой методичностью. Виктория стояла, не шевелясь, боясь нарушить идеальную тишину. Сегодняшний день, полный шума, притворства и напряжения, казался далёким сном по сравнению с этим моментом абсолютной, звенящей тишины.

Александр стоял рядом, глядя прямо перед собой. Без публики, без зрителей, без необходимости изображать любящего мужа, он вернулся к привычной холодной отстранённости. Виктория украдкой разглядывала его профиль — чёткая линия подбородка, прямой нос, плотно сжатые губы. Те самые губы, которые несколько часов назад прикасались к её собственным в фальшивом, но неожиданно равнодушном поцелуе.

Табло высветило «32», и двери бесшумно раздвинулись.

— Добро пожаловать, — произнёс Александр с вежливой формальностью, словно встречал делового партнёра, а не новоиспечённую жену.

Виктория шагнула в пентхаус и замерла, ошеломлённая. Даже люксы пятизвёздочных отелей, в которых ей доводилось бывать на деловых мероприятиях, не шли ни в какое сравнение с тем, что она увидела.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.